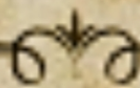

ВОСХОД СТОИТ МЕССЫ

Татьяна Скворцова

16+

Татьяна Скворцова
Восход стоит мессы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Скворцова Т.

Восход стоит мессы / Т. Скворцова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-98133-1

Франция, 16 век. Католики и гугеноты убивают друг друга во имя веры. Те и другие благородны и отважны. Те и другие готовы идти до конца. Кто в силах остановить многолетнюю бойню? Только вероотступник, способный увидеть человеческое лицо врага. Победитель, не похожий на героя своего времени. Человек, готовый идти собственным путем, свернув с проторенной дороги, ведущей в ад. Книга написана по мотивам подлинной биографии молодого Генриха Наваррского, будущего короля Франции Генриха IV.

ISBN 978-5-532-98133-1

© Скворцова Т., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Глава 1. Лето 1571 года	6
Часть первая	13
Глава 2. Париж, 1572 год	13
Глава 3. Мадам Маргарита	15
Глава 4. Католики и гугеноты	18
Глава 5. Генрих де Гиз	24
Глава 6. Басданс и аллеманда	27
Глава 7. Марс и Венера	30
Глава 8. Свадьба	35
Глава 9. Екатерина Медичи	37
Глава 10. 22 августа 1572 года	39
Глава 11. Ночь с 22 на 23 августа 1572 года	42
Глава 12. 23 августа 1572 года	45
Глава 13. Ночь в канун дня Святого Варфоломея	47
Глава 14. По другую сторону Сены	54
Глава 15. Королева Наваррская	59
Глава 16. Утро	62
Исторические заметки к Части 1	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Татьяна Скворцова

Восход стоит мессы

От автора

«Когда подданные говорят, что король добр, значит, царствование не удалось», – писал Наполеон Бонапарт своему брату Людовигу.

Наполеону, конечно, виднее: он был великим человеком. Даже неловко вспомнить, чем закончилось его собственное царствование.

Пролог

Глава 1. Лето 1571 года

Война – величайшее бедствие, которое может причинить страдание человечеству, она разрушает религию, государства, семьи. Любое бедствие предпочтительнее ее.
Мартин Лютер

За поворотом дороги показалась деревня. Точнее, пепелище и несколько уцелевших с краю домиков. Два с лишним года назад по этой дороге прошла армия адмирала Колины¹, и такие деревни попадались тут часто. Генрих терпеть их не мог. Еще издали ему начинало казаться, что от обугленных развалин веет пожарищем и мертвечиной.

А еще на подобных руинах можно было встретить кого угодно. Духов невинно убиенных. Они хлопали обожженными ставнями и скрипели гнилыми воротами. Диких зверей, которые до сих пор находили здесь поживу. Или разбойников, отщепенцев обеих армий, давно забывших, что когда-то были солдатами и сражались за веру. Ту или другую – не все ли равно. Но в деревнях оставались колодцы, а Генриху и его людям нужно было напоить коней и наполнить фляги.

Впрочем, это пепелище заметно отличалось от других. Несмотря на подписанный больше года назад Сен-Жерменский мир, оно было довольно свежим. Так что в этом случае знаменитый протестантский полководец был ни при чем. Видно, лихие люди, которых расплодилось теперь во Франции видимо-невидимо, устроили здесь кровавое пиршество совсем недавно, не больше двух месяцев назад. Генрих привык на глаз определять такие вещи.

Генерал де Ларошфуко², армия которого стояла в дне пути отсюда, хоть и объявил себя протектором этих мест, видно, не очень-то справлялся со своей миссией. Его разъезды отлавливали особенно наглые шайки, любившие ко всему прикрываться штандартами его полков. Разбойников вешали, но меньше их не становилось.

«Надо поговорить с Ларошфуко, – не в первый раз подумал Генрих. – Пусть уже сделает что-нибудь, если назвался протектором. Грабить – одно, а спалить целую деревню, пожалуй, слишком. Черт! Слишком».

Им повезло. На этот раз колодец оказался в сохранной части разоренного селения. Три дома стояли почти целыми, и даже огороды еще не заросли бурьяном.

– Спешиться, – велел Генрих и спрыгнул с лошади. Заглянул в колодец. Внизу прохладно плескалась вода. Ведра им, конечно, никто не оставил, но к вороту была прилажена крепкая веревка, уже неплохо. Придется таскать воду дорожными котлами.

– Ну что, мой принц? – спросил Жан де Лаварден, сын Шарля де Лавардена, служившего некогда гувернером при Генрихе. – Есть?

Получив утвердительный ответ, Лаварден подозвал троих слуг, и те споро принялись за дело.

---

¹ Гаспар II де Колины, граф, сеньор де Шатильон, адмирал Франции – французский государственный деятель, один из вождей гугенотов во время Религиозных войн во Франции.

² Генерал де Ларошфуко – граф Франсуа III де Ларошфуко, принц де Марсиллак, видный протестантский военачальник времен Религиозных войн во Франции, принадлежал к древнему французскому роду Ларошфуко. Неофициальный глава гугенотов Пуату.

Генрих пригляделся к одному из домов. Дом как дом. Низкая соломенная крыша, затянутое бычьим пузырем окошко. Но какая-то неуловимая странность заставила его насторожиться. Он осторожно двинулся вдоль покосившегося забора. Свернул за угол в поисках калитки, ненадолго потеряв из виду своих людей.

За спиной что-то хрустнуло.

Не раздумывая, Генрих резко пригнулся и прыгнул в сторону, прокатился по земле, одновременно вынимая кинжал и стараясь определить источник опасности.

Прямо над ухом послышался странный шелест, и перед глазами мелькнула голая грязная пятка. Генрих схватил ее и резко дернул на себя. Владелец пятки полетел на землю лицом вперед, однако, благодаря скользкой глине, покрывавшей щиколотку, ему удалось вырваться. Противники вскочили на ноги почти одновременно. В руках нападавший сжимал топор. Генрих отпрыгнул назад и выхватил шпагу. Теперь, чтобы одержать над ним верх, требовалось изрядное мастерство.

Врага это, однако, не смутило. Он изо всех сил замахнулся топором, стремясь попасть в голову. Легко уклонившись от неуклюжего удара, Генрих наконец разглядел его, с изумлением обнаружив перед собой худенького крестьянского мальчишку лет двенадцати.

– Эй, парень! Уймись! Сдурел, что ли?! – Генрих без труда мог проткнуть его шпагой, но медлил. Не убивать же его, в конце концов, хоть он и сумасшедший.

Вскоре на шум подоспели Антуан де Гаро и Жан де Лаварден с аркебузами, и короткая схватка, превосходившая по своей нелепости все драки последней войны, была окончена.

Вид направленных на него стволов все-таки вразумил мальчишку. Он отступил к забору, и, прижавшись к нему спиной, с ненавистью уставился на окруживших его людей, явно не собираясь ни расставаться со своим оружием, ни просить пощады.

– Не подходите! Убью! – угрожающе выкрикнул паренек, неумело выставив топор перед собой.

– У нас ружья, дуралей, – с удивлением отозвался Лаварден. – Сделаешь шаг – получишь пулю. Ты хоть понимаешь, что натворил? Бросай топор, хватит дурить.

Мальчишка угрюмо помотал головой, прижимая топор к себе.

Лаварден вздохнул.

– Ну и что с ним делать, мой принц? – поинтересовался он, видно, не представляя себе, как можно стрелять в этого юного безумца. Но и оставить его так, с топором в руках, тоже было нельзя. Сей отрок уже показал, на что способен, только отвернись.

– Ты здесь один? – спросил Генрих, переведя дыхание.

Впрочем, он не сомневался, что мальчик действительно один, уж больно глупо себя вел. Однако, увидев, как метнулся его взгляд, Генрих насторожился.

– Д'Обинье! – скомандовал он. – Возьми пятерых человек и проверьте дома! Остальные – к лошадям!

Агриппа д'Обинье, один из самых давних и проверенных товарищей Генриха, коротко кивнул и тут же принялся отдавать отрывистые приказы.

– Один я! Один! – закричал вдруг парнишка, будто намеренно перебивая его. – Стреляйте, сатанинское отродье, чего же вы ждете?! Я все равно вас всех ненавижу! Чтoб вам сдохнуть всем, еретикам поганым!

В этом крике Генриху послышалось что-то ненатуральное, словно мальчишка стремился отвлечь их от чего-то.

– Агриппа, живее! – поторопил он.

Мальчишка дернулся вперед.

– Стоять! – приказал Гаро, вскидывая ружье.

Тот снова отступил к забору, затравленно озираясь.

– Ну и чего ты на людей бросаешься? – поинтересовался Генрих с деланным благодушием. Он уселся на полусгнившую лавку, ковыряя шпагой землю, но не забывая, однако, боковым зрением следить за ближайшими воротами. – Сидел бы дома лучше, мамка небось волнуется, все глаза в окошко проглядела.

– Нет у меня мамки. И отца нет. Ваши убили, нехристи! В аду вам всем гореть чертям на радость! Ненавижу вас всех! Ненавижу! И буду резать, пока жив!

Ах, вот оно что...

– Сколько тебе лет? – спросил Генрих.

– Тринадцать, – с вызовом ответил паренек... А Генрих думал, меньше. Он молча разглядывал своего пленника, ожидая возвращения д'Обинье. Повисла пауза.

– Мой принц, вон в том доме двое детей, – доложил наконец Агриппа, – девочка лет семи и малыш едва из пеленок. В подполе прятались, но малой заревел, мы услышали. А больше никого нет.

Ах, вот от кого юный мститель отвлекал их внимание. Вот уж войны так войны, троих детей испугались.

– Твой братик с сестренкой? – спросил Генрих.

– Не трожьте их, ироды поганые! – мальчишка по-прежнему угрожающе потрясал топором, но в его голосе впервые появились умоляющие нотки.

– Да уймись ты уже, не тронем, – успокоил его Лаварден. – Если тебя, дурака, убьют, они и так не переживут эту зиму.

Паренек замолчал и опустил взгляд, видно, осознав справедливость этих слов.

– Я понял, что ты ненавидишь гугенотов, – продолжал Генрих. – Но неужели ты не видел, сколько нас? Ты бы еще на армию напал из-за плетня. Совсем, что ли, ничего не соображаешь?

– Еретика убили мою мать, – негромко напомнил мальчик. – Она кричала... просила... а они... а я прятался в подполе... – его детское лицо внезапно почернело и стало таким, что Генриха пробрал холод. – Я никогда больше не буду прятаться... – заключил он вдруг с неожиданным спокойствием и еще крепче сжал топор.

– Когда это было? – спросил Генрих, инстинктивно уводя внимание мальчишки от той картины, которая сейчас разворачивалась перед его внутренним взором.

– Два месяца почитай... – он не договорил, губы его снова сжались, в глазах блеснули слезы. Выходит, Генрих не ошибся.

– Это были разбойники, а не наши солдаты, – сказал Генрих, радуясь, что Господь уберег его от бремени вины хотя бы за это преступление. – Не гугеноты и не католики. У таких людей нет веры, парень. Как бы они себя ни называли. И попадись они мне, я сам развешу их по деревьям в первой же роще, слово дворянина.

Он сказал это с такой убежденностью, что сам себе удивился. Но слова эти не могли проникнуть в затуманенное горем и ненавистью сознание мальчика.

– И как же вы теперь живете? – продолжал допытываться Генрих. – Едите что?

– Да так, что придется, – взгляд мальчишки забегал, и стало понятно, что у него припрятаны кое-какие запасы, но он не говорит, боится, что отнимут.

– Дай ему хлеба, – велел Генрих одному из слуг.

Паренек вспыхнул, и Генриху даже показалось, будто тот собирается гордо отказаться... Впрочем, нет, показалось. Увидев прямо перед собой два золотистых каравая, мальчишка невольно сглотнул, не в силах отвести взгляд от неожиданного подарка. Видно, давно уже не бывал по-настоящему сыт. Чтобы взять хлеб, воителю требовалось куда-то деть топор. Он колебался.

– Бери-бери, – усмехнулся Генрих, – у тебя еще брат и сестра.

Тогда тот решился. Неуклюже сунув свое оружие под мышку, мальчик обеими руками схватил хлеб. Стоять так было неудобно, тяжелый топор все время норовил выскользнуть из-под локтя.

– Давай подержу, – предложил Агриппа, протягивая руку к деревку.

– Нет! – мальчишка резко отступил, уже, очевидно, сожалея о своей доверчивости. От этого неловкого движения топор вывалился на землю, едва не угодив хозяину по ноге.

– Еще немного – и калекой бы остался, – попенял ему Агриппа.

Мальчишка зыркнул на него недобрый глазом, потом переложил караваи в левую руку и, с трудом прижимая их к себе, правой подобрал топор. Генрих вздохнул.

– Ну и что? – спросил он. – Так и будем стоять?

Мальчишка, видно, собирался что-то ответить, но, наткнувшись на снисходительный сочувственный взгляд вражеского командира, неожиданно сник. Только теперь он, видимо, сообразил, до чего глупо себя ведет. По тому, как у него опустились плечи, стало понятно, что воинственный запал его наконец угасает. Мальчик стоял, прижимая к себе хлеб и топор, неловко переминаясь с ноги на ногу.

– Господин... А вы и правда принц? – неожиданно по-детски спросил он вдруг, и это так не вязалось с его прежним отчаянным мужеством, что Генрих не смог сдержать улыбку.

– Правда.

– Ох... и что же мне теперь будет? – мальчик испуганно воззрился на Генриха, запоздало осознав, что наделал.

– Что будет, что будет... – Генрих еще раз вздохнул и почесал нос. – Ничего не будет... Положи топор и топай в дом.

– Я не могу оставить топор, господин...ваше высочество... – упрямо ответил мальчишка. – Дрова будет рубить нечем.

Генрих хмыкнул.

– Клади топор, балбес, потом заберешь, когда уедем.

– А эти господа не возьмут? – он покосился на Гаро, как будто именно от него ожидал кражи топора.

– Не возьмут, – пообещал Генрих.

Мальчик опустил топор на землю и побрел к дому.

– Этот волчонок так преданно смотрел на вас, когда вы садились на коня, словно брошенный щенок, которого наконец погладили, – заметил Генриху Агриппа д'Обинье, как только маленький отряд принца Наваррского покинул негостеприимную деревню. – Поверить невозможно, что он совсем недавно бросался на вас с топором.

– А я думаю, зря вы с ним возились, да еще еды дали. За что? – сказал Антуан де Гаро. – Он собирался вас убить. И убил бы, если бы смог. По-моему, он вполне заслужил виселицу. Или по крайней мере хорошую порку. Теперь он будет думать, что ему все сходит с рук. А в следующий раз и вправду кого-нибудь зарубит тем самым топором, который вы так великодушно ему оставили, мой принц.

– В этих местах полным-полно таких мальчишек, которых люди под нашими знаменами сделали сиротами, – заметил Генрих, отвечая больше на собственные мысли, чем на слова товарища. – Мародеры или наши солдаты, им безразлично. Все они, как и мы, говорят по-французски. И все люто ненавидят нас.

– Пусть ненавидят молча, – спокойно парировал Гаро, – лишь бы уважали. Иначе придет анархия, от которой народ страдает куда более, чем от самого сурового правителя.

– Всякий, кто слаб, уважает силу, – возразил Агриппа д'Обинье, – однако сила защитит почитается ничуть не меньше, чем сила ударить.

– Д’Обинье, да ты, оказывается, философ, – рассмеялся Гаро. – Где ты этого набрался? В рыцарских поэмах?

Агриппа вспыхнул. Генрих повел плечом.

– А что? По-моему, весьма достойное чтение, – ответил он за приятеля. – Вам, господин де Гаро, тоже не худо бы иногда что-нибудь почитать.

***

Несколько дней назад Генрих Наваррский³ покинул благодатный южный Нерак и направлялся теперь в Ангулем, где должен был встретиться с матерью, королевой Наваррской.

Пока дорога их лежала через юго-запад Франции, традиционно населенный гугенотами, они чувствовали себя дома. Но по мере продвижения на север местность становилась все более чужой и враждебной.

В последней войне им повезло. Армия генерала де Ларошфуко далеко углубилась в католические провинции, и теперь Генрих наблюдал плоды блистательных побед своего верного генерала. Да, плоды побед.

Много лет назад он так же ехал вместе с матерью по Гаскони, разоренной Блезом де Монлюком⁴, наместником, которого Париж навязал королеве Наваррской, и тогда она взяла с него клятву отомстить за поруганные земли. А теперь тысячи мальчишек-католиков, которым не посчастливилось родиться в этих местах, давали такие же клятвы своим матерям.

Вскоре свернули на восток. Теперь дорога шла через вспаханные поля и фруктовые сады. Эти места, населенные уже исключительно католиками, куда меньше пострадали от войны. Дома здесь были убоги, но целы. Во всяком случае, им больше не попало ни одного пепелища.

Вечером заехали в очередную деревню, чтобы купить еды. Крестьяне, что давно привыкли определять гугенотов, провожали их угрюмыми взглядами и старались держаться подальше.

– Что ж, по крайней мере, здесь на нас не бросаются с топорами, – резюмировал Гаро.

Рене де Сегюр постучал в ближайшие ворота, но им не открыли. То же случилось и со следующими.

– Если так продолжится и дальше, нам придется поститься до самого Ангулема, – заметил он.

Наконец, нашли грязную харчевню, где собирались после трудного дня местные крестьяне.

– Думаю, не стоит задерживаться здесь надолго, – сказал Лаварден. – Мы сейчас купим хлеба и мяса, а вам, мой принц, пожалуй, лучше бы подождать на улице, – заметил он, делая знак своему слуге следовать за ним.

Но Генрих не внял этому совету.

– Я бы тоже с удовольствием размял ноги, – ответил он, спешиваясь.

Втроем они вошли в харчевню. Немногочисленные посетители оживленно обсуждали что-то между собой. Увидев новых гостей, они разом смолкли.

– Хозяин, собери-ка нам в дорогу пять караваев хлеба, еще мяса, сыра и что там у тебя есть, – велел Лаварден, – да поживее, мы торопимся.

---

³ Генрих Наваррский – номинальный глава французских протестантов, дальний родственник короля Франции Карла IX, принц крови. Подробнее см. Исторические заметки п.4.

⁴ Блэз де Лассеран-Массенкон де Монтескью, сеньор де Монлюк – французский полководец, руководивший жестокими операциями по подавлению мятежей гугенотов во времена религиозных войн.

Трактирщик испуганно засуетился, выполняя заказ.

– Одна серебряная монета и три медных, господин, – посчитал он, когда слуга сложил в сумку купленную еду.

Лаварден бросил на стол деньги. Хозяин с удивлением посмотрел на него, словно не ожидал, что ему заплатят. Генрих счел бы все это, пожалуй, даже забавным, если бы не гробовое молчание и хмурые взгляды, сопровождавшие обыденную сцену.

Когда наконец вышли на улицу, Генрих поймал себя на том, что рука его непроизвольно сжимает эфес шпаги.

***

Чтобы переночевать, свернули в лес. Лагерь разбили на берегу маленького озера с чистой теплой водой. Оставив дежурных на часах, Генрих с удовольствием стащил с себя сапоги и пропотевшую одежду и нырнул в воду.

Вскоре на лес опустились теплые июльские сумерки. От костров вкусно запахло дымом и жареным мясом. Генрих растянулся у огня на своем дорожном плаще и завороченно смотрел, как пламя пляшет на фоне темной воды.

Он запрокинул лицо к небу. В глубокой темно-синей вышине уже блестили первые звезды. Генрих поправил полено в костре, и сверкающие искры устремились вверх, чтобы присоединиться к своим небесным сестрам.

Агриппа д'Обинье перебирал струны гитары, негромко напевая что-то себе под нос.

– Когда я смотрю на эти звезды... – задумчиво произнес Агриппа. – На это необъятное ночное небо... слышу шелест травы и плеск волн, я точно знаю, что Бог здесь, рядом с нами. Ибо в каждой травинке спрятана частичка Его. А паписты строят свои соборы и украшают их витражами и золотом, не понимая убожества своих потуг... Будто все золото мира способно сравниться с Его величием...

Генрих не мог бы сказать такими словами, но сейчас каждой клеточкой своего тела и всеми струнами души ощущал он красоту и мощь мироздания. Словно первый человек на земле, он чувствовал свою общность с огромным миром, что простирался пред ним до горизонта.

– Разве нуждается человек в посредниках, чтобы говорить с Создателем? – сказал Сежур. – Жадные папские сановники стремятся отнять у нас это святое право, что от рождения дано каждому. Они желают присвоить себе Бога, чтобы вновь превратить людей в послушное стадо овец, бессмысленно бредущих за пастырем, роль коего католическая Церковь берет себе. Я верю, что когда-нибудь все христиане, вырвавшись из темницы папизма, обретут единение с Богом. И я готов воевать за это до последней капли крови!

Генрих улыбнулся. Все это было таким родным и знакомым, что можно было и не отвечать, ибо всякий вечер у костра сводился к подобным беседам. Порой Генрих задумывался о том, что, к стыду своему, сам он не так уж и религиозен. Когда он видел фанатичный блеск в глазах своих друзей, то вынужден был признать, что не разделяет их чувств.

И все же Генрих Наваррский считал себя убежденным протестантом. Новая вера создала вокруг себя целый мир, в котором каждый узнавал своих, и Генрих был его частью. Частью этого мира были его мать и сестра, обе суровые гугенотки. Частью этого мира были самые близкие его друзья и все, кого он любил. И даже родная провинция, любимый южный Нерак с его розами и каштанами. И эти летние вечера у костра. А потому, когда юный принц Наваррский, став главою протестантской партии после смерти Луи де Конде⁵, давал клятву защищать свою веру до последней капли крови, он клялся искренне. Ибо в торжественные слова обета

---

⁵ Луи де Конде – Людовик I де Бурбон-Конде, первый принц де Конде с 1557 года, родоначальник рода [Конде](#), глава протестантской партии эпохи Религиозных войн, Генриху Наваррскому приходился дядей.

вкладывал он приземленный и вполне понятный ему смысл защиты всего того, чем дорожил в жизни.

Генрих знал, что мир этот прекрасен не для всех. Сегодня он мог в очередной раз убедиться в этом. Но, как все юные принцы, искренне полагал, что именно ему по силам исправить несовершенство жизни.

Кто-то затянул двадцать шестой псалом Давида. Другие голоса подхватили знакомые слова, и вскоре над деревьями полетела торжественная и печальная мелодия. И в мелодии этой сливалось все то, что роднило между собою их души, словно они были даже не братьями, а одним человеком, стремящимся к счастью.

Часть первая

Глава 2. Париж, 1572 год

*Мы могли бы взять вашу столицу силой, но мы были так добры,
что женились на ней.*

Генрих Манн

Город глухо молчал, с обреченным отчуждением встречая нежеланных гостей. Улицы были почти безлюдны, а ставни закрыты, и даже собаки не лаяли, прячась по подворотням. И только сквозь щелки чердачных окон чьи-то беспокойные взгляды напряженно следили за небольшой армией, с трудом протискивающейся по узким улочкам старого Парижа. Шел дождь, и лошади, привычные к мягкому дерну, недовольно фыркали, ступая по мокрым камням мостовых. Потоки воды, перемешанные с помоями, мусором и конским навозом, сбегали в Сену, вбирая в себя сомнительные ароматы большого и грязного города. Северное лето 1572 года от Рождества Христова было в самом разгаре. Войска гугенотов со знаменосцем во главе входили в католический Париж.

Впрочем, сегодня они шли с миром: король Наваррский спешил на свою свадьбу с принцессой дома Валуа⁶, чтобы скрепить этим брачным союзом Сен-Жерменский договор, уже третий по счету в череде гражданских войн и примирений.

Жан-Антуан д'Англере⁷, сидя на втором этаже трактира «Синий петух», с тревогой наблюдал, как вражеская армия движется по улицам любимого города прямо к Лувру, самому его сердцу. Сегодня заведение было закрыто, но своему давнему клиенту, хозяин разрешил пройти наверх.

Д'Англере видел, как под мокрым поникшим штандартом проехал сам титулованный жених. На правой руке его чернела траурная повязка – два месяца назад здесь, в Париже, умерла от чахотки его мать, королева Жанна, и принц Наваррский стал независимым властителем маленькой горной страны. Юноша был маловат ростом, остронос и всем своим видом напоминал о том, что королевство его невелико и небогато, а потому и сам он как бы и ненастоящий король. Лицо его не отличалось красотой, однако даже в этот мрачный день оставалось живым и готовым к улыбке, чем вызывало желание улыбнуться в ответ. Завидев в одном из немногих приоткрытых окон белый чепец чьей-то горничной, молодой государь галантно приподнял шляпу и слегка поклонился незнакомке.

Д'Англере усмехнулся. Почему-то он представлял себе главаря ненавистных гугенотов совсем иначе.

Почетное место по правую руку от него занимал другой молодой человек. Наверное, принц Конде, догадался д'Англере. Он был заметно красивее, чем его венценосный родственник. На его юном лице, обрамленном светлыми локонами, читались ум и аристократизм, а корона пошла бы ему, наверное, куда больше. Но судьбе было угодно распорядиться по-своему.

А вот и настоящий полководец этой армии – граф де Шатильон, известный всей Франции как адмирал Колиньи. Забери его нелегкая. Д'Англере невольно отметил уверенные движения и спокойное выражение лица, по которым сразу становилось ясно, что к недружелюбию этого города сей господин давно привык. Шутка ли, почти год живет он при дворе, ведя мир-

---

⁶ Дом Валуа – правящий королевский дом Франции XVI века.

⁷ Жан-Антуан д'Англере – шут при дворе французских королей, известный под прозвищем Шико.

ные переговоры. Вот кому мы обязаны этой свадьбой. И не только свадьбой. Сам король прислушивается к нему и, кажется, готов поддаться на его коварные уговоры: ввязаться в новую войну с Испанией в католических Нидерландах. Войну, обреченную на поражение и не нужную никому, кроме проклятых еретиков. Не слишком ли много вы себе возомнили, господин адмирал? Уж больно высоко взлетели вы, за один год превратившись из государственного преступника в первого советника короля. Осторожнее, сударь, как бы не упасть.

Рядом с Колиньи на серой в яблоках испанской кобыле ехал незнакомый господин – судя описанию дворцовых сплетников, генерал де Ларошфуко. В отличие от адмирала, который встретил Генриха Наваррского на въезде в столицу, Ларошфуко сопровождал своего юного сеньора от самого Ажена. Лицо его было хмурым, он подозрительно осматривал крыши домов. В какой-то момент д'Англере показалось, что взгляд генерала уперся прямо ему в лицо. Он вежливо кивнул. Ларошфуко отвернулся, сделав вид, что не заметил.

Д'Англере без труда догадывался, о чем он думал. Наверняка считал, сколько аркебузиром можно разместить на этих крышах, чтобы перестрелять его армию, точно куропаток. И д'Англере, положив руку на сердце, не вполне понимал, почему бы и вправду так не поступить. Очень уж гостеприимен оказался его величество, король наш Карл IX. Не к добру.

– Что же теперь будет, господин Шико? – с тревогой спросила матушка Фуке, жена хозяйина трактира.

У нее было некрасивое доброе лицо, красные узловатые руки, и она напоминала шевалье его собственную мать, которую он, присоединившись к армии маркиза де Вийяра, много лет назад оставил в обнищавшем замке, где вместе со сторожем и кормилицей они еле сводили концы с концами.

Делая военную, а затем – придворную карьеру, д'Англере много раз мечтал, как вернется домой, наймет строителей, чтобы залатать крышу, закупит ей новых нарядов... Вместе с письмами он слал ей деньги и обещал, что вот-вот приедет на Рождество. Но Рождество прошло за Рождеством, а королевский двор, где он на удивление легко и прочно обосновался, не отпускал его от себя.

Однажды он все-таки выбрал время навестить ее, матушка долго охала, разглядывая его бархатный колет, подкладывала в тарелку куски повкуснее и все никак не могла поверить, что он каждый день видит герцога Анжуйского, короля и даже, о чудо, самого господина де Гиза.

А несколько лет назад армия Луи де Конде захватила замок Англере. Замок этот им даже особенно не был нужен, просто шли мимо да и захватили... Хозяев заперли в чулане, чтобы не мешались, и несколько дней не выпускали... А когда, уходя, открыли двери, то оказалось, что у матушки не выдержало сердце. Так и померла на руках экономки, в темном чулане в окружении кадок с соленьями и компотами. А он даже не попрощался с ней.

– Думаю, что скоро у вас будет много постояльцев, мадам Фуке, – ответил д'Англере, возвращаясь мыслями в день сегодняшний. – Надеюсь, им хватит места в гостиницах и их не придется выгонять из наших домов.

Глава 3. Мадам Маргарита

Женишься ты или нет – все равно расскажешься.

Сократ

Генрих Наваррский кожей чувствовал враждебность пустого города, и даже плотное кольцо верных людей не могло избавить его от явственного ощущения незримой опасности.

Совсем недавно здесь умерла его мать. Известие о кончине королевы застало Генриха в дороге. Он прочитал множество донесений, призванных убедить его в том, что лишь воля Божия стала причиной ее смерти, но не мог отделаться от ощущения, будто именно этот угрюмый город виновен в его потере.

Он привычно улыбался и шутил, но как только копыто его коня ступило на парижскую мостовую, постоянно ловил себя на желании оглянуться. Так, на всякий случай.

Окружавшие его дворяне нарочито весело переговаривались, словно желая отогнать тревогу, и Генрих был рад слышать их голоса.

– Что-то ваши будущие родственники, сир, не слишком нам рады, как я погляжу, – саркастически заметил Агриппа д'Обинье. Давняя дружба с королем давала ему право на некоторую фамильярность.

Генрих пожал плечами.

– Сам герцог де Монпансье встретил нас в Палезо, а ты еще и недоволен, – парировал он. – Может быть, королю Франции следовало лично явиться за тобой в Нерак?

– Вот уж без кого бы я точно обошелся, так это без герцога де Монпансье, – фыркнул Агриппа.

– Да он вам попросту завидует, сир, – бросил другой приятель короля Наваррского Этьен де Комменж. – Вы женитесь на прекрасной принцессе, а ему возлюбленная дала от ворот поворот.

Кто-то засмеялся, сам Агриппа натянуто улыбнулся. Рана, оставленная в его сердце последним неудачным романом, до сих пор кровоточила, и бестактные шутки сильно задевали его. Впрочем, среди молодых воинов чувствительность была не в моде, и Агриппа промолчал.

Так, болтая, они подъехали к Сене, отделявшей резиденцию французских монархов от Парижа, населенного простыми смертными. Ворота Лувра широко распахнулись, затрубили трубачи, и торжественный эскорт короля Наваррского, громыхая подковами по старому дереву, въехал на мост.

Генрих спрыгнул с лошади, бросив поводья подбежавшему слуге. Как же давно он здесь не был! Сколько минуло лет с тех пор, когда он прощался с этим блистательным мрачным дворцом, где прошло его детство? Шесть или семь. Тогда ему казалось, что Лувр гораздо больше. Или сам он был меньше? Здесь, возле этого крыльца, он сидел со своей подружкой детских игр Шарлоттой де ла Треймуль, и они клялись друг другу в вечной любви и в том, что обязательно поженятся, когда вырастут. Интересно, что с ней теперь?

Генрих отогнал воспоминания. Вокруг суетились люди. Несколько десятков дворян из его ближайшего окружения, которым надлежало остановиться в Лувре, с трудом помещались во внутреннем двореке дворца со своими слугами и сопровождающими.

Официальные мероприятия по встрече жениха принцессы Маргариты Французской были намечены на вечер, и Генрих вовсе не рассчитывал на то, что вся королевская фамилия почтит его сейчас своим присутствием. Однако он не сомневался, что младшая сестренка Катрин, несколько месяцев назад уехавшая в Париж вместе с матерью, ждет его с самого утра и вот-

вот появится на крыльце. Он не отводил взгляда от высоких дверей, надеясь увидеть ее родное лицо. И не ошибся. Катрин показалась из глубин дворца спустя лишь несколько минут после первых звуков рожка. Только затем терраса стала заполняться любопытствующими придворными.

Не обращая внимания на глазающую толпу, брат и сестра начали пробираться друг к другу, и люди расступались, освобождая им дорогу. Наконец Генрих подхватил Катрин на руки и расцеловал в обе щеки. Она смущенно отбивалась, но глаза ее сияли, а юное личико, обычно бледное, разрумьянилось от радости.

Тринадцатилетняя принцесса, привыкшая жить в окружении любящей семьи, друзей и почтительных слуг, после смерти матери оказалась почти совсем одна среди чужих, враждебных ей людей, которые либо насмеялись над нею, либо вовсе не обращали внимания. По приезду в Париж она вместе с королевой Наваррской остановилась в особняке Конде, воспользовавшись гостеприимным предложением кузена, однако после кончины Жанны д'Альбрэ переехала в Лувр. Почти все свое время она проводила в отведенных ей покоях, стараясь без необходимости не появляться в общих залах дворца. Только господин адмирал иногда навещал принцессу Екатерину.

– Да ты у нас совсем взрослая стала. И очень красивая, – начал Генрих с немудрящего комплимента, не спуская с нее ласковых глаз. Он вглядывался в лицо сестры, невольно отмечая следы растерянности и постигнутого ее горя. Их общего горя, которое ей довелось пережить в одиночестве.

«Тебя не было так долго», – словно бы упрекала она.

«Прости меня», – отвечал он одними глазами.

Нет, сейчас не время и не место говорить об этом. Сегодня праздник. Следует радоваться.

Люди вокруг оживленно переговаривались, с интересом и восхищением разглядывая дворец. Большинству из них еще не доводилось видеть ничего подобного. Вот о чем нужно говорить сейчас: о красотах французской столицы.

К ним подошел Агриппа д'Обинье и низко поклонился, приветствуя принцессу.

– Уверен, сир, все придворные французского короля у ног ее высочества, – галантно произнес он. – Но мы-то с вами найдем ей жениха получше, пусть только немножко подрастет, – и он дружески подмигнул Катрин.

Это было настолько далеко от истины, что принцесса лишь улыбнулась. За несколько месяцев в Париже она отвыкла от подобной бесцеремонности со стороны простых дворян, но искреннее дружелюбие Агриппы согрело ей сердце.

– Земная красота – тлен, – все же заметила она строго, но тут же с детской непосредственностью добавила: – Просто вы еще не видели мадам Маргариту⁸. Когда она проходит по дворцу в своем платье из серебряной парчи, все только на нее и смотрят.

В голосе Катрин звучали одновременно и осуждение, приличное для ревностной гугенотки, и плохо скрытая смесь зависти с восхищением, столь естественная для девочки-подростка по отношению к признанной красавице. Весь этот набор чувств был аккуратно прикрыт светской непринужденностью.

– Подумаешь – платье, – ответил Генрих, улыбаясь. – Что нам серебряная парча? Мы тебе из золотой пошьем.

Несмотря на вечный недостаток денег, Генрих не боялся давать подобные обещания. Он знал, что Катрин никогда ему о них не напомнит, да и платье такое не наденет. Ибо тщеславие – грех. Несмотря на естественное стремление к радостям жизни, прорывавшееся изредка сквозь заслон сурового религиозного воспитания, тринадцатилетняя Екатерина де Бурбон была глубоко предана устоям веры, чем напоминала Генриху мать.

---

⁸ Мадам – принятое в XVI веке обращение к сестре короля вне зависимости от возраста и семейного положения.

– А вот, кстати, и ваша невеста, – заметил Агриппа.

Генрих перевел взгляд на крыльцо и увидел, как из внутренних покоев дворца в сопровождении королевы Екатерины, одетой, как обычно, во все черное, и в окружении фрейлин появляется дама, ради женитьбы на которой он и проделал столь долгий путь.

Принцесса действительно была красива. Ее черные волосы заправлялись в куафюру, усыпанную жемчугом, открывая изящную шею и полные плечи. Подбородок был слегка вздернут, а темные пушистые ресницы опущены, производя впечатление одновременно высокомерия и незащитности. Ее шелковый наряд цвета опавшей листвы не отличался роскошью по меркам французского двора, однако удивительно шел ей, подчеркивая стройность и женственность фигуры. Генрих заметил, что она тоже смотрит в его сторону, и, сняв шляпу, издали поклонился мадам Маргарите, так же как некоторое время назад – безымянной горничной.

– Обыкновенная придворная кукла, – пренебрежительно оценил он, капая бальзам на самолюбие сестры.

Однако заставлять ждать будущую жену и ее мать, вдовствующую королеву, было неприлично, и Генрих направился к крыльцу.

Что бы там Генрих ни говорил Катрин, а вблизи Маргарита Валуа была еще красивее, чем издали.

Генрих поклонился обеим дамам: сначала, конечно, королеве-матери, и лишь затем принцессе. Целуя руку своей невесте, он задержал взгляд на ее лице. При ближайшем рассмотрении было заметно, что оно сильно накрасшено и не вполне безупречно, но какое это имело значение?

Генрих неоднократно замечал раньше, что у красивых женщин выражение лица будто бы отсутствует – видимо, оттого, что они слишком сосредоточены на себе и безразличны ко всему остальному. С Марго же, как он успел окрестить ее про себя, все было иначе. Ее темно-серые, отливающие синевой глаза выражали легкую насмешку и одновременно детское любопытство. Уголки губ были чуть приподняты, образуя едва заметную полуулыбку. Неуловимое живое обаяние, а вовсе не платье, выделяло ее из толпы придворных дам.

«Говорят, она спит с Гизом, – вспомнил Генрих, – и со своим братом, герцогом Алансонским».

Однако как бы ни была очаровательна принцесса Маргарита, не меньшее внимание привлекала к себе ее мать. Генрих видел Екатерину Медичи в последний раз много лет назад, когда жил при французском дворе. Уже тогда она вызывала у него внутреннее содрогание. Ее липкая забота и показное добродушие пугали его больше, чем суровость некоторых учителей. «Мадам паучиха», – вспомнил Генрих свои детские впечатления. Сейчас она была все та же: вдовий наряд, материнская улыбка и тяжелый неприятный взгляд.

– Как вы выросли, мой мальчик, я помню вас совсем ребенком, – проворковала она, безо всякого стеснения разглядывая своего будущего зятя.

– А вы, мадам, напротив, совсем не изменились, – вежливо ответил Генрих. С учетом ее возраста, это должно было сойти за комплимент.

Королева заулыбалась, давая понять, что оценила любезность; затем махнула рукой, подзывая слугу, чтобы тот проводил дорогих гостей в приготовленные для них покои.

Следуя по коридорам Лувра, Генрих думал, что матушка, пожалуй, подобрала бы ему завидную жену, если бы к ней не прилагалась теща.

Глава 4. Католики и гугеноты

Затаенная вражда опаснее явной.

Марк Туллий Цицерон

Генрих перебирал в руках листы, исписанные ровным почерком, каким всегда пишут ученые доктора медицины. Это было заключение о вскрытии тела.

Тело. Трудно было даже представить, что так теперь именовалась его мать. Бесстрашная воительница и суровая гугенотка. Добрая матушка, готовая отдать последнее во имя счастья своих детей. Королева Жанна Наваррская.

«В правом легком плотное образование размером в три четверти дюйма, наполненное гнойным содержимым...», «между черепом и оболочкой мозга обнаружены включения, содержащие полупрозрачную жидкость», – читал Генрих, с трудом продираясь сквозь медицинскую латынь и ощущение нереальности происходящего. В конце текста делался вывод, что смерть наступила вследствие болезни, именуемой tuberculosis. Чихотка, как было помечено рядом в скобках по-французски, видимо, специально для него, на случай если он не знает, что такое tuberculosis. Он и правда не знал до сегодняшнего дня, хотя древним языком владел неплохо.

Генрих встал, отложил листы и измерил шагами кабинет адмирала Колиньи, что стоял возле окна, с сочувствием наблюдая за своим юным королем.

– Это все, что вы хотели мне сказать, господин адмирал? – спросил Генрих.

– Да, сир, – кивнул Колиньи, – ваша матушка была настоящей королевой. Уже зная, что умирает, она завещала нам вскрыть тело, дабы развеять ваши подозрения в адрес новых союзников. Она стремилась к миру и мечтала сделать вас зятем французского короля.

«А ведь мадам Екатерине, знаменитой флорентийской отравительнице, и мечтать нечего о лучшем адвокате, чем вы, господин адмирал, – вдруг подумал Генрих. – Что станет с вашими планами похода во Фландрию, если я не поверю в эту теорию?» Но он немедленно отогнал от себя крамольные мысли. Адмирал Колиньи заменил ему отца; не верить Колиньи – все равно что не верить Катрин или самой матушке. Тогда и жить незачем.

Генрих пошевелил дрова в камине. Огонь весело приплясывал, даря тепло и уют в этот не по-летнему пасмурный день. Адмирал был прав в одном. Матушка хотела, чтобы этот брак состоялся. Да и сам Генрих хотел того же. Зачем себя обманывать, он явился сюда с одной-единственной целью: встать в очередь на французский трон.

Генрих подошел к столику и, наполнив два кубка вином, один протянул адмиралу.

– Да будет земля ей пухом, – печально произнес он. Ему было тошно. Говорить больше не хотелось.

Но мысли о матери не шли у Генриха из головы.

В тот же вечер, встретив в коридоре Лувра герцога Анжуйского⁹, Генрих не смог отказать себе в маленьком опыте.

– Рад видеть, дорогой кузен, – любезно улыбнулся он принцу, останавливаясь напротив. Тому ничего не оставалось, кроме как тоже остановиться, нацепив на лицо светскую улыбку.

– Приветствую, друг мой. Нравится ли вам Париж? – поинтересовался д'Анжу, и Генрих подумал, что совсем еще недавно они разглядывали друг друга в окуляры подозрных труб на поле боя.

---

⁹ Генрих Анжуйский – брат короля Карла IX, на тот момент наследник трона. Командовал армией, воевавшей против гугенотов.

– Трудями ее величества королевы-матери столица стала еще прекраснее, – так же учтиво заметил Генрих. Он знал, что принц недолюбливает своего брата Карла, поэтому все заслуги его правления приписал Екатерине Медичи. Затем вздохнул и печально добавил: – Жаль только, что моей бедной матушке климат Парижа оказался губителен. Я не перестаю думать, что если бы она вернулась домой раньше, то возможно была бы теперь жива.

Генрих отчетливо уловил, как д'Анжу вздрогнул. Улыбка принца моментально утратила теплоту, а взгляд стал острым.

– Что вы имеете в виду? – резко спросил он.

– Как что? – удивился Генрих, наивно хлопая глазами. – Чохотку, разумеется. Разве вы не знаете, что недуг этот особенно свирепствует на севере. Южное же солнце может исцелить больного.

– Ах да, конечно, – ответил герцог с явным облегчением. – Кончина королевы Наваррской – большая утрата для всех нас. Примите мои соболезнования.

– Благодарю, ваше высочество, – ответил Генрих, слегка поклонившись.

Что он хотел услышать? Признание в убийстве? Заверения в обратном? Разумеется, д'Анжу не мог не понимать, что смерть Жанны д'Альбрэ выглядит подозрительно, и его настоятельность вовсе не обязательно подтверждала вину. Так зачем же Генрих завел этот разговор? Он имел все доказательства невинности королевского дома, почему же не верил им?

***

Празднования по поводу приезда короля Наваррского были в самом разгаре. Они еще не дошли до своей завершающей стадии повального пьянства, но официальная часть уже закончилась, и можно было спокойно поесть и выпить. Затем ожидалась танцы. Король и принцы, в том числе оба молодых Бурбона, расположились за роскошно накрытым столом отдельно от простых дворян.

– В глазах рябит от шелков и золота, – заметил Конде, оглядываясь по сторонам. Сам он, в соответствии с требованиями своей веры, был одет весьма скромно. – Все эти придворные господа разукрашены, как рождественские индюшки, хоть к столу подавай.

– Тебя что, плохо кормят? – удивился Генрих, с отвращением глядя на пятую перемену блюд. Он никогда не страдал отсутствием аппетита, но к такому изобилию все-таки не привык.

– Хорошо кормят, – согласился Конде. – Как гуся на паштет.

Генрих неопределенно хмыкнул. Он разделял тревогу кузена, но полагал, однако, что тревожиться следовало бы раньше. Сейчас такие разговоры только раздражали его.

Роскошь залы и придворных нарядов и вправду резко контрастировали с темными одеждами гугенотов. Дворяне-католики презрительно кривились, поглядывая на своих новых союзников. Одетые в яркие шелка, они смотрелись как райские птицы среди ворон. Гугеноты же, осуждавшие подобную пышность, недовольно косились на них.

Краем уха Генрих услышал обрывок беседы между Шарлем де Миоссеном, одним из своих людей, и неизвестным дворянином.

– Знаете, сударь, я все удивляюсь, что же такого победительного в идеях протестантизма? Отчего столько людей проливают за них кровь? – с выражением вежливого внимания на лице интересовался незнакомец. – Не могли бы вы разъяснить основы вашего вероучения – быть может, мне захочется их разделить.

– О, сударь, боюсь, я не силен в теологии, лучше бы вам задать этот вопрос какому-нибудь пастору, – ответил Миоссен, подозревая подвох и не желая вступать в дискуссию.

– Не сильны в теологии? – удивился тот. – То есть вы и сами не понимаете, за что воюете? Они подошли совсем близко, и Генрих отлично разобрал каждое слово.

– Всякий должен заниматься своим делом, – сказал Миоссен, понемногу раздражаясь. – Наши пасторы весьма умны и образованы, они больше понимают в тонкостях вероучения.

– Очень жаль, месье, что вы умны не достаточно. Но вы правы, ум солдату – что совесть чиновнику: только вредят карьере.

Миоссен вспыхнул, и Генрих решил вмешаться, пока дело не дошло до драки.

– Простите, сударь, а вы военный или чиновник? – поинтересовался он, беззастенчиво пользуясь своим статусом принца крови, позволявшим влезать в чужой разговор. – Вы говорите с таким знанием дела, что за вашу карьеру можно не опасаться. Ни ум, ни совесть ей точно не навредят, – добавил Генрих и улыбнулся с той оскорбительной любезностью, которую отлично усвоил в своем придворном детстве.

Впрочем, собеседник совершенно не смутился, в глазах его мелькнули веселые огоньки.

– О, ваше величество, ни то ни другое – ответил он, изящно поклонившись королю Наваррскому. – Позвольте представиться, шевалье д’Англере к вашим услугам. Я придворный шут. Дурак по должности. И моей карьере ум противопоказан. Не говоря о совести. И вы правы, я отлично без них обхожусь.

Придворный шут! Этого Генрих точно не ожидал! Оценивая неброский, но явно дорогой колет этого дворянина, цепкий взгляд, грациозную вальяжность движений, Генрих рассчитывал услышать что угодно, но только не это. Д’Англере же, довольный произведенным впечатлением, спокойно закончил:

– Если вы задержитесь при дворе, сир, то сами убедитесь, что без этих обременительных достоинств возможности здесь много шире. И некоторые ваши единоверцы легко это подтвердят.

– Я вижу, вы хорошо усвоили придворные нравы, – заметил Генрих. – И действительно прекрасно им соответствуете.

Он благоразумно пропустил мимо ушей замечание о своих единоверцах, решив не уточнять, кого именно этот странный фат имеет в виду, ибо обоснованно опасался услышать в ответ имя Колиньи. Тогда Моссену и вправду пришлось бы обнажить шпагу, что в планы Генриха совершенно не входило.

Однако Миоссен решил поговорить о другом.

– Кто бы мог подумать, сир, нам повезло встретить настоящего придворного шута! – Миоссен не скрывал удовольствия от этой новости. – Где же у вас шутовской колпак с бубенцами, сударь? Идите, надевайте его скорее, пока ваш господин не наказал вас за своеволие¹⁰.

Генрих едва не поморщился от досады. Он не сомневался, что сей господин давно привык отражать подобные нападки площадных острословов. И не ошибся.

– Видите ли, юноша, – усмехнулся д’Англере, – при дворе шутовские звания раздаются быстрее колпаков. Будьте осторожны, а то и сами не заметите, как начнете веселить публику.

– Вот уж вряд ли, – фыркнул Миоссен.

Генрих подумал, что беседу эту пора заканчивать, пока она не закончилась чем-нибудь не тем.

– Господин де Миоссен, – как бы спохватившись, сказал он, – будьте любезны, узнайте, ждут ли сегодня господина адмирала.

Миоссен поклонился королю и отправился выполнять поручение. Шут проводил его насмешливым взглядом.

– Весьма предусмотрительно, сир, – заметил он.

Генрих пожал плечами. Что плохого в предусмотрительности?

Он уже открыл было рот, чтобы ответить, но тут его отвлек более важный собеседник.

---

¹⁰ Обычно придворные шуты обязаны были носить специальную одежду и не имели права одеваться, как другие придворные. Но на Шико это правило не распространялось.

– Эй, Наварра! Я хочу, чтобы ты с нами выпил! – король Франции Карл IX через стол тянулся к Генриху своим кубком. Герцог Анжуйский поддерживал короля под локоть, помогая ему сохранить равновесие.

Генрих кивнул новому знакомцу и поспешно вернулся к столу.

– Ваше здоровье, государь! – произнес он, касаясь своим кубком кубка короля.

Карл, кажется, удовлетворился этим.

– Мне бы столько здоровья, сколько желают, – пробурчал он. Затем встал и, обойдя стол, навис над принцем Конде.

– Освободите-ка мне место, голубчик, – потребовал он, – я хочу поговорить с вашим кузеном, – Конде ничего не оставалось, как с поклоном ретироваться.

– Кто бы мог подумать, что ты и вправду когда-нибудь станешь моим зятем, а вот поди ж ты, *investigabiles viae Domini*¹¹, – медленно произнес король, с трудом выговаривая латинские слова.

– Я и мечтать не смел о таком счастье, ваше величество, – учтиво ответил Генрих.

– Да ладно тебе, – отмахнулся Карл, – все знают, что моя сестрица Марго та еще потаскушка, да и стерва к тому же. Будь я на твоём месте, никогда бы на ней не женился.

– Известно, что всякую красивую женщину молва винит в легкомыслии, а умную – в дурном характере, – возразил Генрих.

Карл хмыкнул.

– Забавный вы все-таки народ, гугеноты: совсем не так нетерпимы, как желаете показаться. Вот твой Колиньи, например... – он запнулся, силясь вспомнить, что хотел рассказать про Колиньи, но не смог. – Черт с ним, с Колиньи... – продолжил король после паузы, потом обнял Генриха за плечи и, доверительно дыша перегаром и чесноком ему в лицо, сообщил: – У меня кормилица гугенотка. В юности я и сам хотел стать гугенотом, представляешь? С матушкой бы, наверное, удар сделался, – Карл захихикал, как захрюкал. Король уже почти висел на шее у Генриха, а был его величество весьма грузен. Генрих, с трудом удерживая его, мужественно терпел. Помощь пришла откуда не ждали.

– Сир, я слышал, ваша последняя охота оказалась на удивление удачной, – из-за спины Генриха неожиданно возник герцог де Гиз. Генрих не видел, как он подошел, но его появление было очень кстати. Охота, по счастью, интересовала короля больше, чем гугеноты. Он тут же забыл про Генриха и переключил свое внимание на Гиза.

Гиз был давним знакомцем Генриха, они учились вместе в *college de Navarra*¹², когда маленький принц Наваррский жил в Париже. Три Генриха: Генрих Анжуйский, Генрих Наваррский и Генрих де Гиз играли одной компанией, наводя ужас на воспитателей своей неумной энергией и изобилием титулов. Однажды они с юным Гизом въехали на осле в залу, где Екатерина Медичи давала аудиенцию какому-то послу, кажется, испанскому. Им тогда здорово влетело.

С тех пор Гиз заматерел – чтобы не сказать растолстел – и превратился в златокудрого Голиафа, покоровшего сердца всех парижских лавочниц. Несмотря на некоторую полноту, он был красив, а главное – обладал жадной жизни и обаянием самца, что всегда безотказно действуют на женщин и чернь. Он возглавлял католическую партию, выступавшую против Сен-Жерменского мира, не скрывал своей ненависти к гугенотам и пользовался в Париже таким влиянием, что сам король опасался его.

– Вы не представляете, герцог, какого кабана мы затравили... – с трудом произнес король, обращаясь к Гизу. – Кстати, почему вас там не было? Ах да, я же вас не пригласил...

---

¹¹ *Investigabiles viae Domini* – неисповедимы пути Господни (лат.)

¹² *College de Navarra* – учебное заведение для высшей аристократии, основанное в Париже Маргаритой Наваррской, бабушкой Генриха и сестрой короля Франциска I.

Бросив на Гиза благодарный взгляд и извинившись, Генрих постарался побыстрее исчезнуть из поля зрения Карла.

«А он не так уж плох, наш Гиз», – подумал Генрих. – «Во всяком случае, и от него бывает польза».

Генрих огляделся по сторонам в поисках своих. Возле окна он заметил Антуана де Гаро, беседовавшего с Филиппом дю Плесси-Морнеем, одним из приближенных адмирала Колиньи.

– Мы тут обсуждаем придворные порядки, сир, – пояснил Антуан, когда Генрих к ним приблизился. – Вот господин дю Плесси говорит, будто бы при дворе английских королей есть такая должность – называется «хранитель королевского стула». Это тот, кто подтирает зад его величеству. Весьма почтенное занятие, ибо лишь самые достойные могут прикасаться к священной особе короля.

– Вы предлагаете завести такую и при наваррском дворе, господин дю Плесси? – спросил Генрих.

– Боюсь, Наварра слишком мала для этого, мой государь, – ответил Морней. – Если дворяне будут заняты на подобных должностях, некому станет воевать.

– А ты что, хотел бы стать хранителем стула? Я и не знал, что ты, оказывается, карьерист, – заметил Генрих, обращаясь к Антуану.

– Ну что вы, сир. Это привилегия высшей знати, я для эдакой службы не достаточно родовит.

Генрих рассмеялся и хлопнул его по плечу.

– Уговорил, оставим ее для герцога де Гиза.

В окружении своих дам, блистающих нарядами и украшениями, в зал вошла принцесса Маргарита. Милостиво кивая придворным, она прошествовала к отведенному для нее креслу. В платье из розового шелка, расшитого мелкими жемчужинами, она казалась невероятно свежей и юной в этой душной зале. Генрих поймал себя на том, что не может оторвать от нее глаз.

«Просто ты еще не видел мадам Маргариту», – вспомнил Генрих слова Катрин.

– А ведь нам невероятно повезло с будущей королевой, сир, – сказал Гаро, перехватив взгляд Генриха. Тот улыбнулся.

– Так подойдите к ней, ведь вы жених, – подтолкнул его приятель.

Генрих покачал головой. Он видел, что она заговорила с каким-то красивым молодым дворянином, и не хотел мешать. Он понимал, что нет вернее способа вызвать к себе отвращение, чем злоупотребить своими жениховскими правами.

– Экий вы скромник, сир, – попенял ему Антуан. – Раньше вы таким не были.

Генрих не стал отвечать. И все же, когда музыканты заиграли аллеманду, согласно этикету он пригласил ее на танец.

Принцесса присела в легком реверансе и подала ему руку. В каждом ее движении сквозила уверенная грация придворной дамы. Только сейчас Генрих сообразил, что ужасно танцует, и впервые всерьез пожалел об этом пробеле в своем воспитании.

– Вы чудесно выглядите, мадам, – искренне произнес Генрих, ведя ее на середину залы за кончики пальцев. Он корил себя, что оказался не в состоянии придумать что-нибудь получше.

– Благодарю, ваше величество, – ответила она, с вежливым равнодушием принимая его банальный комплимент.

Танец начался, и они закружились по зале. Танцевал Генрих и вправду неуклюже, принцесса же делала вид, будто не замечает его неловкости. В конце концов Генрих сбился и перепутал фигуры. Впрочем, и теперь она ничего не сказала, лицо ее оставалось таким же бесстрастным. Генрих же подумал, что если он хочет производить впечатление на столичных красавиц, придется ему взять несколько уроков хореографии.

– Благодарю за танец, мадам, – сказал он, проводив невесту к ее дамам.

– Вы оказали мне честь, сир, – так же церемонно ответила она, но когда Генрих отдалился, негромко добавила: – Спасибо, что не отдавили ноги.

Последние слова не были предназначены для ушей короля Наваррского, но в эту секунду музыка на мгновение смолкла, и Генрих легко разобрал язвительное замечание. Впрочем, ему нечего было ответить, и он предпочел сделать вид, что не слышал.

Генрих отлично понимал, что в глазах своей невесты он всего лишь деревенский увалень, которого навязали ей в мужья.

С трудом заставив себя не пялиться на нее, Генрих повернулся к открытому окну и отодвинул тяжелую портьеру. Из окна сразу потянуло вечерней свежестью. Он вдохнул болотный запах реки и подставил лицо легкому ветерку.

На другом берегу Сены мерцал поздними огоньками город Париж. Город каштанов и акаций. Город монахов и блудниц. Город стряпчих и трубадуров. Город, который по воле короля Франции открыл ему, Генриху Наваррскому, свои ворота. Город, который его ненавидел.

Глава 5. Генрих де Гиз

*Пусть лучше вам изменит женщина, чем удача.
Неизвестный автор*

В коридоре было сумрачно и пыльно, и только редкие масляные лампы тускло освещали дорогу.

Генрих возвращался к себе после бала. Он отказался от сопровождения, уверив Агриппу и Лавардена, что достаточно самостоятелен и как-нибудь сам найдет свою кровать. Генрих был уверен, что отлично знает этот дворец. Однако ошибся. Лувр постоянно перестраивали, и за годы его отсутствия здесь многое изменилось.

Срезая путь, Генрих свернул из парадных галерей в узкий ход, через который прислуга могла попасть в покои высокородных сеньоров. Впрочем, и прислугой он, судя по всему, использовался редко. Коридора этого Генрих не помнил, но логика подсказывала, что впереди полагалось находиться выходу.

Он миновал просторный холл, такой же грязный и пустынный, как все здесь. За одной из дверей раздавались недвусмысленные вздохи какой-то парочки: задворки этого замка жили собственной жизнью, храня свои тайны. Генрих пошел дальше. И именно тогда, когда, по всем признакам, он должен был уже выйти в центральную галерею, наткнулся на дверь, запертую на массивный замок. Вот черт! Неужели придется вернуться?

Для верности Генрих подергал дверь – она, разумеется, не поддавалась. Тогда, еще раз чертыхнувшись, он двинулся в обратном направлении. Впереди маячил холл, идти оставалось совсем недалеко.

Вдруг дверь, скрывавшая от посторонних любовное гнездышко, распахнулась, и Генрих нос к носу столкнулся с Гизом. За спиной у него стояла принцесса Маргарита, спешно застегивая лиф своего шелкового платья. Того самого, разумеется, цвета утренней зари, с жемчужными цветами.

Все трое застыли, глядя друг на друга.

Гиз пришел в себя первым. Происходящее, очевидно, не смутило, а скорее позабавило его. Впрочем, неудивительно: ему-то нечего было опасаться, в отличие от его дамы.

Герцог нахально ухмыльнулся и специально встал так, чтобы преградить Генриху дорогу.

– Приветствую, ваше величество, – глумливо произнес он, отвешивая нарочито церемонный поклон. – Во всем Париже теперь нет места, где не встретишь гугенота.

– И вправду неожиданная встреча, – ответил Генрих и быстро взглянул на свою невесту. Она уже привела себя в порядок, но на лице ее отражалось смятение. Генрих слышал, что Карл жестоко избил сестру, когда узнал об ее романе с Гизом. Если сейчас разразится скандал перед самой свадьбой, ей несдобровать.

Однако Гиза это, очевидно, интересовало куда меньше, чем подвернувшаяся возможность унижить врага. Он с любопытством смотрел, что Генрих будет делать в столь пикантной ситуации, и намеренно мешал ему пройти.

Дворянская честь требовала немедленно вызвать на дуэль возлюбленного своей невесты, но Генрих не мог позволить себе такую глупость: убить Гиза в мирное время прямо перед свадьбой. И уж тем более он не стремился умереть сам, защищая честь очаровательной, но совершенно чужой ему женщины.

– Отойдите, сударь, – сказал Генрих неприязненно, – и постарайтесь втянуть живот, он занимает весь коридор.

– О, сир, здесь и вправду негде посторониться, – ответил Гиз, радуясь назревающей ссоре. – Придется вам вернуться, откуда пришли, и поискать другую дорогу.

«А ведь здесь никого нет», – подумал Генрих. Он вдруг сообразил, что Гиз вовсе не стремится сбросить непрочный мир, считая его позором католической веры. И расправа с королем Наваррским в этом пустынном коридоре могла бы, пожалуй, повернуть события в нужное Гизу русло.

Противник был намного выше и сильнее Генриха. У худощавого и подвижного короля Наваррского было преимущество в скорости, но здесь, в узком коридоре, оно не имело значения. Доведись им подраться, у Генриха не будет шансов. А за спиной тупик.

– Отойди, – повторил он спокойно.

Гиз рассмеялся.

– А ты попроси получше, – улыбаясь, предложил он. И вынул шпагу.

– Анри, не надо, – начала Маргарита, касаясь его плеча. Генрих даже не сразу сообразил, что она обращается не к нему, ведь Гиз носил такое же имя. Герцог молча отодвинул ее в сторону. У него был собственный счет к королю Наваррскому, и виновница этого инцидента уже не имела для Гиза никакого значения.

Взгляд Генриха упал на ведро с помоями, что выставила в коридор чья-то нерадивая горничная, да забыла убрать. Он сделал шаг назад, продолжая смотреть в лицо Гизу. Быстро наклонившись, Генрих схватил ведро, и грязная жижа, смешанная с мусором и гнилыми очистками брюквы, хлынула на вождя французских католиков.

Гиз невольно отшатнулся, закрыл глаза и поднял руки в попытке защитить лицо от злобного водопада. Тогда Генрих с силой швырнул ведро ему в голову. Краткого мгновения растерянности противника хватило королю Наваррскому, чтобы, оттолкнув его, проскочить мимо и вылететь в широкий холл. Оказавшись в пригодном для драки месте, Генрих выхватил шпагу и обернулся. Как раз вовремя, чтобы отбить брошенный в спину кинжал. Позади грузно топал герцог.

Генрих рассмеялся. Теперь у Гиза не было преимуществ. Здесь король Наваррский имел все возможности выйти победителем. Гиз больше не улыбался. Утерев помой и смахнув со лба прилипшую свекольную кожуру, он наступал на Генриха, в бешенстве сверля его взглядом.

Герцог сделал выпад, целясь Генриху в живот длинной шпагой. Тот отпрыгнул в сторону и, оказавшись слева от него, быстро ударил в бок. Противник увернулся, но, пока он восстанавливал равновесие, Генрих уже был у него за спиной.

Будучи ниже и слабее Гиза, Генрих мог справиться с ним, только внезапно нанеся смертельную рану. Но он медлил, лихорадочно соображая, что делать дальше, и поглядывая в коридор, ведущий обратно в бальную залу, в спасительную толпу. Ему не хотелось убегать, сверкая пятками, на глазах у прекрасной дамы, но другого пути не было. Главное, не дать Гизу снова отрезать его от выхода.

И неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не появление на сцене новых участников спектакля. Из того самого коридора, к которому постепенно продвигался Генрих, неожиданно возникли Жан де Лаварден и Антуан де Гаро.

– Сир, вот вы где! А мы-то ищем вас по всему замку, – произнес Лаварден, моментально оценив обстановку. Он вынул клинок и, обойдя врага по дуге, занял позицию у него за спиной. Гаро тоже достал шпагу и встал рядом с Генрихом.

Гиз был вынужден остановиться, переводя взгляд с одного противника на другого.

– Убери слуг, Наварра, не пятнай свою честь, – сказал он, тяжело дыша.

– Не знал, что у нас дуэль, – язвительно заметил Генрих. – Я-то думал, ты решил зарезать меня в темном коридоре, пока никто не видит. Неужто ошибся?

Гиз не отвечал, с ненавистью глядя на короля Наваррского.

– Брось оружие, – приказал Генрих, – и можешь уходить.

– Шпагу не отдам, – процедил герцог, – это шпага отца.

– Ладно, черт с тобой, – согласился Генрих, – проваливай со шпагой, только руки держи на виду. Будем считать твою честь незапятнанной... В отличие от колета и рубашки, – Генрих рассмеялся.

Гиз швырнул оружие в ножны и повернулся к Гаро, что преграждал ему путь.

– Антуан, пропусти его, – велел Генрих.

Гаро сделал шаг в сторону. Гиз повернулся к ним спиной и зашагал прочь по коридору.

Генрих перехватил вопросительный взгляд Лавардена и покачал головой. Ему было понятно, о чем думает приятель: нет ничего хуже, чем отпускать живым униженного врага. Но нет, не сейчас.

Тут Генрих снова заметил Маргариту. Она молча стояла у стены и наблюдала за происходящим, не пытаясь вмешаться. Генрих подумал, что любая другая девчонка на ее месте бегала бы, кудахча, словно курица, между дерущимися мужчинами, мешаясь под ногами и не желая осознать бессмысленности своей беготни... Но эта дама была принцессой.

Генрих убрал шпагу, подошел к ней и вежливо поклонился. Она смотрела ему в лицо, ожидая, что он скажет.

– Мадам... мне жаль, что я напугал вас. И... и вы можете рассчитывать на мою скромность.

Она вспыхнула, услышав столь явный намек на компрометирующие ее обстоятельства, но возражать не стала, очевидно, понимая, что в действительности он оказывает ей неоценимую услугу.

– Благодарю... ваше величество, – сказала она только, присев в реверансе.

Генрих еще раз кивнул ей, потом отвернулся и, сделав Лавардену и Гаро знак следовать за ним, пошел к выходу из злополучного коридора.

Глава 6. Басданс и аллеманда

Все болезни человечества, все трагические несчастья, заполняющие исторические книги, все политические ошибки, все неудачи великих лидеров возникли только лишь из-за неумения танцевать.

Жан Батист Мольер

К большому облегчению принцессы Маргариты, этот инцидент не получил огласки. Она с горечью думала, что Гиз хранит молчание, заботясь не столько об ее репутации, сколько о своей собственной, ибо поражение еще никого не украшало в глазах двора. Сама же она и представить боялась, что будет, если об ее легкомысленном поведении узнает король.

Маргарита догадывалась, что Генрих Наваррский тоже не хочет скандала, ибо не за тем он ехал сюда.

«Вы можете рассчитывать на мою скромность, мадам», – сказал он ей, точно случайный прохожий, ставший свидетелем неприятной сцены, которая совершенно его не касалась. Однако в его добрые намерения она верила не слишком.

Гиз на его месте никогда не простил бы ей такого оскорбления, но своего будущего мужа она совсем не знала. Она понимала, что король Наваррский не может отказаться от женитьбы и уже убедилась в его стремлении следовать намеченному плану, а также и в умении держать себя в руках. Нет, он не сорвет свадьбу из-за своей обиды. Но что будет потом, когда они вдвоем окажутся в Наварре? Стране, где ему никто не указ?

Раньше она думала, что без труда научится вертеть своим мужем, который казался ей необразованным простачком, но теперь не была в этом уверена.

Каждый день, встречая его на балах и приемах, она настороженно наблюдала за ним, стремясь получить ответы на свои вопросы. Маргарита все время ждала, что он заговорит с ней, потребует каких-то объяснений, однако он лишь любезно кланялся издали, словно ничего не произошло.

Однажды во время протокольного басданса она сама завела с ним беседу.

– Вы не находите, что придворные музыканты сегодня превзошли себя? У нас новый дирижер, и басданс в его исполнении особенно прекрасен. Вам нравится эта мелодия, сир? – поинтересовалась она осторожно.

– Басданс – мой любимый танец, мадам, – учтиво ответил король Наваррский, потом спокойно улыбнулся и добавил: – Особенно учитывая, что это один из немногих танцев, который я могу исполнить вполне сносно. Надеюсь, сегодня вам не придется благодарить меня за то, что я не отдал вам ноги.

Вот как! Она мгновенно пожалела о своей недоброй шутке, которую уже успела забыть. Впрочем, жизнь при дворе отучила ее краснеть.

– Простите, ваше величество, я не хотела обидеть вас, – ответила Маргарита, стараясь, чтобы голос ее звучал высокомерно и равнодушно. – Однако сегодня вы и вправду хорошо танцуете, – заметила она, меняя тему. – Как вам это удастся? Я слышала, у гугенотов не принято устраивать балов.

Маргарита всегда считала, что умеет держать удар, но король Наваррский, видно, угадал смущение, что скрывалось за ее надменностью, потому что в глазах его мелькнула насмешка. Ей стало ужасно неловко. Да, с ним следовало быть осторожнее.

Она ожидала услышать колкость, но вместо этого он оглянулся, как будто убеждаясь в отсутствии свидетелей, и, наклонившись к самому ее уху, произнес таинственным шепотом:

– Просто басданс я разучивал специально, прежде чем отправиться в Париж. На аллеманду моего терпения не хватило.

Она рассмеялась, ощутив невольную благодарность к нему за эту своевременную шутку и за то, что он не стал заострять внимание на ее промахе. Когда Маргарита подняла на него взгляд, то вдруг заметила, что сарказм в его глазах исчез, уступив место какой-то теплой необидной снисходительности. «Полно, мадам, – будто бы говорил он ей, – мы доставили друг другу неприятные минуты, но стоит ли нам враждовать?».

– Хорошо, я скажу придворному дирижеру, чтобы басданс исполняли чаще, – ответила она и подумала, что враждовать с ним ей и вправду ни к чему.

– Буду признателен, ваше высочество, – поклонился король Наваррский.

Играла музыка, вокруг двигались пары, и все было, как всегда, но что-то неуловимо изменилось. Словно тоскливое раздражение и тревога, отравлявшие мысли Маргариты с того дня, как она узнала о предстоящем замужестве, внезапно растворились в полумраке залы.

– Однако я обратил внимание, что не только я здесь не умею танцевать, – продолжал он как ни в чем не бывало. – Вчера я видел, что господин де Верне тоже путает фигуры. Возможно, меня это не украшает, но я был даже рад встретить здесь товарища по несчастью.

– Господин де Верне туг на ухо, – ответила Маргарита, радуясь, что беседа ушла от опасной темы, – поэтому двор прощает ему неловкость на балах.

– Пожалуй, я лишен этого оправдания, – вынужден был согласиться король Наваррский, потом тяжело вздохнул и добавил: – Какое невезенье.

– Весьма сочувствую вам, сир, – ответила она и поймала себя на том, что улыбается.

– Благодарю, ваше высочество, вы очень добры, – с самым серьезным видом отозвался он. – Но неужели только тугоухость может спасти придворного кавалера от хореографии?

– Ну почему же? Не только. Еще хромота.

– А еще надежнее и вовсе остаться без ноги, – подхватил он, рассмеявшись. – Мне понятна ваша мысль, но уж лучше я научусь танцевать.

Маргарита вдруг подумала, что Гиз никогда не умел быть таким забавным. Любезным, галантным, сильным – да, но с ним никогда не было так легко. Да и вряд ли он захотел бы свести к шутке столь неприятную беседу. Она взглянула на Гиза, который танцевал в следующей паре, поддерживая под локоть мадемуазель де Шеврез, и обнаружила, что он тоже смотрит на нее. Герцог, видимо, уже обратил внимание, что его возлюбленная отнюдь не скучает в обществе жениха из провинции, ибо на лице его застыло странное выражение, а на щеках появились красные пятна. Она тут же перестала улыбаться и отвернулась, боясь, что король Наваррский перехватит ее взгляд. Впрочем, судя по всему, поздно.

– А еще мадам, я заметил, что некоторые парижские вельможи обладают столь изящным воспитанием, что танцуют даже лучше, чем владеют собой. Более того, лучше, чем владеют шпагой, – произнес он, внимательно глядя ей в лицо. – Посмотрите, к примеру, на господина де Гиза, как он тянет носок. Мне никогда не превзойти его в этом искусстве.

Она опустила глаза.

– Вы зря недооцениваете господина де Гиза, – сказала она наконец, – он вовсе не так безобиден, как вам бы хотелось. И умеет не только тянуть носок.

Она сама не понимала, зачем заговорила об этом. Хотела защитить любовника от насмешек? Или, напротив, остеречь жениха? За те несколько минут, что длился этот танец, Маргарита словно перестала понимать, на чьей она стороне.

– Я знаю, ваше высочество. И все же признателен вам за предупреждение.

Когда прозвучал последний торжественный аккорд, и музыка стихла, король Наваррский учтиво поцеловал ей кончики пальцев.

– Вы прекрасны, мадам, – сказал он. – Клянусь, когда-нибудь я все же научусь танцевать, ибо счастье составить вам пару, несомненно, стоит труда.

– Буду ждать с нетерпением, сир, – искренне ответила она, подумав, что на сей раз его комплимент вовсе не показался ей банальным.

Глава 7. Марс и Венера

*В любви и на войне одно и то же: крепость, ведущая переговоры,
наполовину взята.
Маргарита де Валуа*

Наступил август. Подготовка к свадьбе шла полным ходом, но протокольных торжеств уже почти не было. Дожди кончились, стало тепло и даже жарко.

Король Наваррский ужинал со своими людьми в саду Лувра, где специально для них накрыли столы. Генрих любил такие вечера. Сидя в окружении друзей, он полной грудью вдыхал пряное обаяние уходящего дня и уходящего лета.

Агриппа д'Обинье мягко перебирал струны своей гитары, и волшебство вечера уносило их во времена славных походов, когда они, уставшие после тяжелого дня, собирались на привале, разделяя друг с другом нехитрую радость бытия.

– Вон та звезда – это Венера, – сказал принц Конде, указывая на небо, – а вот эта маленькая красная звездочка – Марс. А знаете, господа, мне недавно попался в руки трактат одного польского философа, Николая Коперника. Он утверждает, будто бы Марс и Венера такие же огромные, как Земля. И так же крутятся вокруг Солнца.

Генрих в очередной раз удивился, когда это Конде успевает еще читать трактаты философов и астрономов.

– Если Марс и Венера вправду похожи на Землю, то там, наверное, живут люди, такие же, как и мы, – сказал Агриппа.

– Что за чушь! – удивился Сегюр. – Какие еще люди? Мне кажется, мой принц, этот ваш философ совсем спятил в своих библиотеках. Всякому понятно, что Марс и Венера – это всего-навсего малюсенькие точки на ночном небосклоне. Как же они могут сравниться с Землей? Да и Солнце. Оно ведь размером с тарелку! Всем известно, что это Солнце вращается вокруг Земли, порождая на ней жизнь своим теплом.

Конде хмыкнул.

– Очень может быть, что вы правы, – не стал он спорить. – Тем более, Коперник – папист.

– А-а-а, папист... – разочарованно протянул Сегюр. – Если папист, то понятно.

Конде рассмеялся.

– Господин д'Обинье, вы не споете нам? – попросил принц. – В такой вечер петь о любви самое время.

Генрих знал, что Агриппа предпочитает на публику не петь о любви, но тот, видно, тоже поддался очарованию августа. А может, ему просто не хотелось отказывать Конде. Принц пользовался большим авторитетом среди сторонников. Он был умен и образован, однако начитанность вовсе не мешала ему отлично держаться в седле и владеть шпагой. Когда Конде узнал, что замок Этьена де Комменжа разграблен католиками, то порвал все его векселя, простив товарищу карточные долги, чем завоевал искреннее уважение друзей.

Агриппа погладил гриф гитары, потом взял несколько пробных аккордов, проверяя чистоту звучания, и запел.

Как, я изменчив? Мнение ложно,
Моя привязанность крепка.
Скажите лучше: разве можно
Построить зданье из песка?

Вас холодность моя тревожит?
О, я всегда гореть готов,
Но ведь огонь пылать не может,
Коль не подкладывают дров.
Ну что поделаю я с вами?
Вы охлаждаете мой пыл...
Поджечь не может льдину пламя,
А растопить – не хватит сил¹³...

Его мягкий баритон разносился над темным садом, и, казалось, пламя факелов подрагивает ему в такт. Генриху нравились эти стихи, в особенности переложенные на музыку.

Он не заметил, как из глубины парка к ним приблизились две дамы. Они стояли неподалеку, скрываясь в тени деревьев и не желая прерывать певца своим появлением.

– Bravo, сударь, – сказала принцесса Маргарита, выходя из своего укрытия, когда песня смолкла, – сам Ронсар позавидовал бы искренности и необыкновенной мелодике ваших стихов.

Агриппа, как ошпаренный, вскочил со своего стула и поклонился принцессе, еще держа в руках гитару и не зная, куда ее деть. Остальные последовали его примеру.

– Мадам, не окажете ли честь разделить с нами трапезу? – спросил Генрих. – Госпожа де Невер, – кивнул он герцогине. – Мы будем счастливы, если прекрасные дамы украсят наше грубое общество. Я не сомневаюсь, господин д’Обинье согласится спеть нам еще.

– Да, сир, но... – начал было Агриппа, однако Генрих бросил на него убийственный взгляд, и он тут же замолчал.

– Благодарю, ваше величество, – ответила Маргарита, усаживаясь на принесенный слугой стул.

Музыка зазвучала вновь.

– Эту песню я впервые услышал в военном лагере при Жарнаке, – негромко сказал Генрих, склонившись к своей невесте и как бы невзначай касаясь ее руки. – Ваш брат герцог Анжуйский тогда здорово задал нам жару, и мне казалось, что теперь не до любви и не до музыки. Но битва при Жарнаке давно стала историей, а песня живет до сих пор.

– Любовь – это сама жизнь, – ответила Маргарита, и он отметил, что она не отстранилась от него. – Что, как не любовь, противостоит смерти? Но какой же музе, сколь прекрасной, столь и жестокой посвящены эти строки? – спросила Маргарита.

Она смотрела на него с любопытством, ожидая услышать романтическую историю.

– О, мадам, о музах поэтов не говорят, ведь очарование тайны легко разрушить неосторожным словом, – ответил Генрих.

– Простите, сир, я не должна была спрашивать об этом. Я знаю, вы умеете хранить тайны... и быть хорошим другом.

Он смотрел на нее, любуясь нежным изгибом ее губ, выбившимся из-под куафюры локоном...

– Я был бы счастлив предложить свою дружбу вам, – ответил Генрих с легким поклоном.

Она улыбнулась, ничего не ответив.

---

¹³ Тэодор-Агриппа д’Обинье «Весны».

***

Он был совсем рядом, и в его темных глазах отражалось обаяние летней ночи. Нет, он не нравился ей совершенно. Она любила других мужчин: высоких, красивых и элегантных. А этот юноша был совсем не в ее вкусе. Она отвела взгляд, разорвав незримую нить между ними, и вдруг ощутила шемящее разочарование, будто от утраты чего-то ценного.

Когда вечер подошел к концу, и Маргарита пожелала оставить общество, король Наваррский, согласно этикету, отправился ее проводить.

– Ваш друг невероятно талантлив, – сказала она, когда они шли вдвоем по аллее сада. – Не сомневаюсь, что скоро весь двор будет петь его песни.

– Я непременно передам Агриппе ваши слова, мадам. Он будет весьма польщен этой оценкой, ведь всем известно о вашем поэтическом даровании и тонком вкусе.

Оказывается, ему известно об ее поэтическом даровании. Кто бы мог подумать. Гиз никогда не говорил с ней о стихах.

– Не нужен тонкий вкус, чтобы восхищаться тем, что и вправду трогает сердце, – ответила она. – Хорошие стихи, как море или небо, прекрасны сами по себе. Однажды мне довелось посетить Нормандию. Эти земли суровы и даже грубы, но они пленяют своею холодной красотой.

– В таком случае вам непременно нужно побывать в ля Рошели, – ответил он. – Это особенный город. Ля Рошель и вполтину не так изыскана, как Париж, но в ней есть свое очарование, которого нет более нигде. Очарование силы и свободы. Она уступает вам в изяществе, но по духу похожа на вас.

Маргарита улыбнулась.

– А вы умеете говорить комплименты дамам, сир, – ответила она. – И договариваться с крепостями тоже. Вы очень деликатно умолчали, что эта независимая и гордая твердыня теперь покорна вам.

– Покорна? – слегка удивился собеседник. – Я бы не сказал, что покорна. Ля Рошель открыла мне свои ворота лишь потому, что я никогда не оскорбил бы ее этим словом.

– Но ведь там размещены ваши войска.

– Да. Для защиты от врагов.

Она резко прищурилась.

– А Бордо и Лион вы тоже заняли для защиты от врагов? И тоже не хотите оскорбить их?

Король Наваррский посмотрел на нее с интересом, очевидно, не желая принимать запальчивый тон.

– Нет, – спокойно ответил он, – Бордо и Лион были взяты силой, вы правы. Я не апостол Петр, мадам, и далек от святости. Эти города нам нужны для того, чтобы ля Рошель, Нерак и Ажен были в безопасности. Такова логика войны. Но, уверяю вас, меня она не радует, ибо мало удовольствия иметь в своем тылу города, что ненавидят нас. Быть может, когда-нибудь нам удастся завоевать их доверие.

Они уже миновали вход во дворец и вышли в центральную галерею.

Он придержал дверь, пропуская ее вперед.

– Завоевать их доверие? – с сомнением произнесла Маргарита. – Впрочем, когда я слушаю вас, это не кажется мне невозможным.

Да, пожалуй, он был способен завоевать доверие кого угодно. Маргарита подумала, что ее будущий муж в свои восемнадцать отлично видел пределы того, что может себе позволить. Как на войне, так и в любви.

Она вдруг заметила, как он смотрит на нее, улыбаясь одними глазами, и опустила взгляд, испугавшись, что он прочтет ее мысли.

– Вот мы и пришли, – сказал он.

Она присела в реверансе и протянула ему руку для поцелуя. Он коснулся губами кончиков ее пальцев, как требовал этикет. Потом вдруг повернул ее ладонь и нежно поцеловал голубоватую жилку чуть выше запястья... По телу ее пробежали горячие токи, она хотела отнять руку, но почему-то не сделала этого. Он продолжал скользить губами по ее коже, постепенно приближаясь к сгибу локтя, и ей вдруг показалось, что время остановилось, а в огромном замке нет никого, кроме них...

Какая ошибка! Где-то рядом скрипнула дверь. Маргарита очнулась от оцепенения, выдернула руку и резко отстранилась от него. Он не стал ее удерживать, лишь еще раз поклонился, словно бы извиняясь за свою неуместную пылкость. Впрочем, он совершенно не выглядел смущенным. В его глазах светилось восхищение, приличествующее молодому провинциалу, и лишь в самой их глубине ей почудилась... да, спокойная самоуверенность. Не слишком ли много он себе возомнил!

– По-моему, вы плохо знакомы с придворным этикетом, сир, – насмешливо заметила она, пытаясь скрыть растерянность.

– Быть может, мадам, вы дадите мне несколько уроков? Чтобы в будущем я мог избежать ошибок, – голос его был исполнен смирения, но в глазах мелькнули озорные огоньки. Вот так юноша из деревни! Ей вдруг стало весело, прямо как тогда, во время басданса. И почему он так странно на нее влияет?

– Я пришлю к вам учителя, – ответила Маргарита, делая над собой усилие, чтобы не улыбнуться. – Доброй ночи, ваше величество.

– Доброй ночи, мадам, – церемонно произнес он.

***

Муза, вдохновлявшая Агриппу д'Обинье, напомнила о себе совсем скоро. Однажды, проходя мимо комнаты друга, Генрих заметил, что дверь приоткрыта.

Он постучал.

– Ну, кто там еще? – раздался недовольный голос. Генрих вошел.

– А-а, это вы, сир, – Агриппа встал, небрежно поклонился и снова рухнул в кресло. В руках он держал лист тонкой белой бумаги, исписанный изящным почерком. Генриха одолело недоброе предчувствие.

– Опять? – спросил он, кивая на письмо. Он уже научился безошибочно узнавать эти письма, после которых Агриппа становился сам не свой.

Агриппа поднял на Генриха измученный взгляд.

– Да, ваше величество. Я должен уехать по очень важному делу.

– По важному делу, значит, – фыркнул Генрих.

Агриппа вспыхнул, но тут же сник и неопределенно пожал плечами.

– Тебе не надоело? – Генрих начал злиться. – Сколько можно бегать за этой капризной бабенкой? Ее настроение меняется, как погода за окном. От Парижа до Тура четыре дня пути, пока ты доедешь, она уже и не вспомнит о тебе. Кстати, что она там пишет? Дай-ка сюда письмо, – Генрих требовательно протянул руку.

Агриппа вскочил и отступил на шаг, спрятав бумагу за спину.

– Вспомнит, – угрюмо произнес он, больше сказать ему было нечего.

– Да когда ты приедешь, то найдешь ее с очередным поклонником, – с раздражением пообещал Генрих. – Помнишь, такое уже было.

– Помню. Я тогда убил его на дуэли. И следующего тоже убью.

– Боюсь, со следующим может не повезти. Неужели ты не понимаешь, что у тебя есть только один шанс добиться ее благосклонности – забыть о ней. Я знаю эту породу женщин, они могут любить лишь тех, кто к ним равнодушен. Тех же, кто любит их, они презирают. К черту такую любовь! Скажи, когда в последний раз ты получал от нее награду за свою преданность?

– Я рад, что вы так хорошо знаете женщин, мой государь, – с нескрываемой злобой проговорил Агриппа. – Я очень счастлив, что вы, в отличие от своего никудышного слуги, так удачливы в любви, что можете давать советы... Но я в них не нуждаюсь! – с яростью бросил он. – Я прошу вас, как моего сеньора, лишь отпустить меня на месяц от своей особы. Более не смею утруждать вас своими заботами.

– Я не отпускаю тебя, – спокойно ответил Генрих, проигнорировав язвительный выпад, – и когда-нибудь ты скажешь мне за это спасибо. Ты словно душевнобольной, которого нужно связать, чтобы он не навредил сам себе.

– Вы приказываете мне остаться? – уточнил Агриппа.

– Да.

– В таком случае мне придется послушаться вашего приказа! Вы можете покарать меня за это, – измученное лицо Агриппы выражало обиду и упрямство, на щеках пылал горячечный румянец. Карать его совершенно не хотелось.

Генрих тяжело вздохнул, с жалостью глядя на друга, затем взъерошил себе волосы.

– У тебя деньги есть? – спросил он, сдаваясь. – Не можешь же ты ехать к ней без денег.

Агриппа с радостным удивлением посмотрел на Генриха, убеждаясь в своей маленькой победе.

– Есть. Немного, но я неприхотлив.

– Что значит «неприхотлив»? В конце концов, ты состоишь на службе короля Наваррского и едешь к даме.

Генрих отстегнул от пояса кошелек. Расставаться с деньгами мучительно не хотелось, но отступить было поздно. Он подумал, развязал тесемки и высыпал на стол пригоршню золотых монет.

– Это тебе. На дорогу.

Агриппа медлил, он все еще был обижен на своего короля.

– Возьми, – попросил Генрих, – не будем ссориться перед отъездом.

Агриппа ссыпал деньги в ящик стола и поклонился.

– Спасибо, сир. Я знал, что вы меня поймете, – глаза его были больными и блестели, как в лихорадке.

– Куда же мне было деваться, – буркнул Генрих.

– Я вернусь... скоро... не сомневайтесь.

– Я и не сомневаюсь, – усмехнулся Генрих.

Они крепко обнялись. Тем же вечером Агриппа д'Обинье выехал из города. Генрих и не подозревал, что всего лишь неделю спустя будет благодарить пагубную страсть своего лучшего друга, повинуюсь которой тот вовремя покинул Париж.

Глава 8. Свадьба

Любовь слепа, и она способна ослепить человека так, что дорога, которая кажется ему наиболее надежной, оказывается наиболее скользкой.

Маргарита де Валуа

18 августа 1572 года состоялась свадьба. Генрих плохо запомнил тот день. Лишь отдельные эпизоды запечатлелись в его памяти.

Он помнил, как одетый в роскошный, но тесный костюм из белого шелка, ожидал свою невесту у выхода из собора Парижской Богоматери. Стояла невыносимая жара, и солнце слепило глаза. Пот стекал по телу, бриллианты сверкали на золотом шитье, от шума толпы закладывало уши.

Наконец из собора в сопровождении кардинала де Бурбона (единственного католика в семье Бурбонов) и герцога Анжуйского появилась молодая королева Наваррская. На ней было расшитое серебром платье из голубого шелка, шлейф которого несли три принцессы, а на голове сверкала усыпанная драгоценностями корона. Маргарита была похожа на статую Мадонны в каком-нибудь испанском соборе. Толпа восторженно взревела, встречая свою любимицу.

Генрих знал, что отнюдь не все парижане с радостью приветствуют бракосочетание между принцессой дома Валуа и предводителем ненавистных гугенотов, однако это не мешало им собраться, чтобы поглазеть на невиданное зрелище. Весь город был украшен цветами, а на площадях бесплатно раздавали вино. Даже его единоверцы, многие из которых еще носили траур по королеве Жанне, сегодня сменили свои мрачные одежды на праздничные наряды и мало чем отличались от пришедшихся католиков. Торжество было в самом разгаре и поражало своим великолепием.

«Смерть гугенотам!» – раздался вдруг в толпе чей-то возглас. Однако городская стража, наводнившая сегодня улицы, быстро скрутила смутьяна. Генрих предпочел сделать вид, что ничего не слышал. Ничто более не омрачало веселья.

***

Когда наступил вечер, Генрих в шелковой сорочке до пят в сопровождении нескольких десятков придворных прошествовал в спальню своей молодой жены, где должен был провести первую брачную ночь. Дверь за ним закрылась, и они остались вдвоем.

Маргарита стояла в глубине спальни в роскошном полупрозрачном negligé, отделанном венецианским кружевом. Она выжидающе смотрела на своего супруга, и в ее глазах плясали огоньки свечей. Генрих остановился на пороге, любясь стройным силуэтом. Знакомство их длилось месяц, если не считать детства, оба они вовсе не были невинны и не видели ничего постыдного в предстоящем обязательном соитии, однако сейчас почему-то каждый из них испытывал смущение.

– Словно в конюшне на случке, – произнесла она.

Генрих улыбнулся: его молодая жена не утруждала себя жеманством. Но ему нравилось в ней все, даже цинизм, за которым эта придворная дама, многое, кажется, повидавшая на своем коротком еще веку, прятала неловкость.

Не отвечая, он молча распустил завязки на своей сорочке и, сбросив дурацкое облачение, остался совершенно обнаженным. Она с интересом знатока наблюдала за ним из-под полуопу-

ценных ресниц. Он был невысок и худощав, но хорошо сложен, под гладкой смуглой кожей перекачивались крепкие мышцы.

Приблизившись к ней вплотную, он осторожно провел по ее щеке тыльной стороной ладони, отодвинул назад пушистую волну черных волос. Его рука была теплой и немного шершавой, взгляд не отрывался от ее лица. Властным жестом он приподнял ее подбородок. Потом качнулся вперед и нежно, еще сдерживая себя, коснулся губами ее губ, затем шеи и ложбинки в вырезе одежды.

– Мне уйти? – спросил он тихо. Она не отвечала.

Тогда Генрих потянул атласную ленту, и ее сорочка соскользнула на пол. Он подхватил свою жену на руки и отнес ее на кровать.

***

Празднования шли своим чередом. Днем молодожены почти не виделись, разделенные строгими протокольными правилами, зато все ночи проводили вместе. Генрих ждал этих встреч.

Их первую брачную ночь Маргарита сравнила со случкой в конюшне. О, если бы всем лошадям было так же хорошо, как им тогда, хотел бы он родиться лошадью!

Генрих был счастлив, словно мальчик, впервые удостоенный поцелуя. Он вспоминал тех женщин, с которыми спал раньше, и смеялся над собою: ведь он искренне желал их когда-то, даже не зная, что на свете есть настоящее счастье. Он не понимал, как мог ждать так долго и за какие заслуги судьба столь щедро одарила его.

Королю Наваррскому было отлично известно, что его возлюбленная супруга вовсе не хранила целомудрие до свадьбы, но Генрих не сомневался, что теперь он, муж – единственный мужчина в ее спальне.

Поглощенный своим новым увлечением, Генрих почти не замечал ничего другого. Ни оскорбительного подтекста балетов, составленных придворным хореографом, ни бесконечных уличных драк между католиками и гугенотами. Ни злого сарказма придворных. Все эти будто бы мелкие неприятности отошли теперь на второй план, чтобы совсем скоро напомнить ему о себе с новой силой.

Глава 9. Екатерина Медичи

Что ж ей было делать, бедной женщине, когда с одной стороны мы, а с другой – Гизы?

Генрих IV о Екатерине Медичи

Лето 1572 года подходило к концу. Жара стояла такая, что даже толстые каменные стены дворца не спасали от пекла, а, напротив, сами превратились в раскаленную ловушку для измученных зноем людей. И только ночь приносила краткое облегчение.

Королева Екатерина любила работать ночью. Из открытого окна в комнату проникала живительная прохлада, и стайки мотыльков кружили вокруг канделябра, стоявшего у нее на столе. В углу заскребла мышь. Когда-то давным-давно, когда она, юная принцесса из рода Медичи, приехала в этот мрачный замок из солнечной Флоренции, она боялась мышей. Сейчас ей довелось повидать множество вещей пострашнее, и девичьи страхи вызывали у нее лишь улыбку.

Вот уже десять лет она, словно искусный лоцман, лавировала между католиками и гугенотами, Гизами и Бурбонами, стремясь угодить обеим враждующим сторонам и добиться наконец мира в королевстве. Хитрость и лесть, жестокость и щедрость – все шло в ход, и все было напрасно. Всякая милость, проявленная к гугенотам, вызывала недовольство католиков, а восстановление в правах католической веры – возмущение гугенотов.

Боже, как они все ей надоели! Три войны одна за другой прокатились по стране, оставляя за собою разоренные города и пустые деревни. И вот опять мир. Надолго ли? Непрочный покой нуждался в подпорках, будто калека – в деревянной ноге. Чтобы серьезность намерений обеих сторон не вызывала сомнений, был заключен брачный союз между Бурбонами и Валуа.

О, сколько надежд возлагала королева Екатерина на этот брак! Сколько усилий приложила, добиваясь у Папы согласия на него! Гугенот женится на католичке! Слыханное ли дело! Вчера долгожданная свадьба наконец состоялась. Когда молодожены удалились в свою спальню, казалось, можно было вздохнуть спокойно. Но главное испытание, о котором королева поначалу и не думала, ждало ее впереди.

Жених явился в Париж не один. Восемь сотен отборных солдат-гугенотов вошли в столицу вместе с ним. И до сих пор еще на свадебные торжества продолжали съезжаться гугеноты со всей страны. Сейчас их было уже несколько тысяч. Гостиницы, трактиры и частные дома с трудом вмещали всех желающих принять участие в празднествах.

Парижан-католиков пугало изобилие недавних врагов на улицах родного города. Еще свежи были в их памяти погромы в Монтеро, Орлеане и Ниме, учиненные приверженцами реформаторской церкви. С другой стороны, и сами гости относились к хозяевам, мягко говоря, с осторожностью и также не без оснований. Никто не хотел забывать зверства католиков в Васси и других городах. За десятилетие религиозных войн, кратких периодов хрупкого мира, сменявшихся вспышками насилия, во всем королевстве не осталось, пожалуй, ни одной католической семьи, не пострадавшей от рук гугенотов, и ни одной семьи протестантов, у которой не было бы своего кровавого счета к католикам.

Королева уже сомневалась в верности своего решения провести пышные торжества по случаю свадьбы. Расчет на праздничное примирение, похоже, не оправдался. Напротив, средоточие на малом клочке земли большого количества враждебных друг другу вооруженных людей грозило неприятностями. Был оглашен королевский ордонанс, запрещающий в дни свадьбы любые столкновения на религиозной почве, но это не помогало.

Разумно опасаясь за свою безопасность, гугеноты избегали гулять по столице в одиночестве, предпочитая передвигаться группами, изрядно напоминая военными отрядами. Они задирали католиков, которые в свою очередь тоже не оставались в долгу. Дело усугублялось праздничными винными возлияниями, установившейся жарой и бездельем собравшихся в городе гостей, которые развлекали себя, как могли, при том что каждый из них имел при себе по крайней мере кинжал, а то и шпагу или аркебузу. Несмотря на королевское повеление, количество дворянских дуэлей и просто уличных драк возросло в несколько раз.

Екатерина Медичи остро чувствовала напряжение, висевшее в воздухе. Она хорошо знала свой город, и теперь он казался ей похожим на воспаленный нарыв, жаждущий скальпеля хирурга. Старая женщина, мать, вдова и королева, многое видала в жизни. Оберегая корону своих детей, она казнила и миловала, дарила и отнимала, принимала тяжкие решения, и, казалось, ничто уже не могло ее испугать. Но сейчас ей было страшно.

Глава 10. 22 августа 1572 года

*Трусость – мать жестокости.
Мишель де Монтень*

А на следующий день, 22 августа 1572 года, прозвучал выстрел. Преступник, скрывавшийся в доме Пьера де Вильмюра, бывшего наставника герцога де Гиза, ранил в плечо адмирала Колиньи, в одну секунду разрушив хрупкое равновесие, установившееся между католиками и гугенотами в последние два года. На месте преступления была обнаружена дымящаяся аркебуза с маркировкой гвардии герцога Анжуйского.

Бом! Бом! Бом!.. – колокол церкви Сен-Жермен л'Оксерруа пробил полдень.

– Тысячи рук поднимутся, чтобы отомстить за раненую руку господина адмирала! – запальчиво выкрикивал юный паж по имени Пардальян. И другие голоса вторили ему.

Бом! Бом! Бом!..

– Да вы что, герцог, вконец ополоумели! – даже не пытаясь быть вежливым, кричал господину де Гизу Генрих Анжуйский.

А может, и не Генрих Анжуйский. А может, и не кричал, а говорил тихо и что-нибудь совсем другое. Париж полнился слухами. Камеристка госпожи де Шеврез, оказавшись столь не вовремя под дверями принца, будто бы слышала, как его высочество ссорился с его светлостью. А из-за дверей другой голос, вроде похожий на голос Гиза, вкрадчиво говорил что-то в ответ. А потом вдруг тоже возвысился и сорвался на крик.

– ...но я не собираюсь один отвечать за все! – вот как, по ее словам, ответил герцог.

Или то был вовсе не герцог? Кто ж его знает. Чего только не болтают слуги. Выпороть бы дуру, да на скотный двор. Для ума.

С сегодняшнего утра герцога в Париже не видели. Так что, наверное, вовсе не с ним, а с кем-то другим обменивался любезностями монсеньёр принц.

Всякому дурачку было ясно, что покушение на Колиньи – дело рук Гиза. Несколько лет назад так же выстрелом из окна по приказу адмирала был убит Франсуа де Гиз¹⁴. И наш герцог, положив руку на сердце, был в своем праве. Адмирал этот сам виноват: за каким чертом явился он в Париж? Кто его тут ждал? Сидел бы тихо в своей ля Рошели – глядишь, целее был бы.

Бом! Бом! Бом!..

– А вы слышали, кумушка?! Король-то наш – сам поехал к этому гугеноту раненому! Извинялся перед ним, словно перед самим Папой! Тьфу! Срамотища! По мне, так и вовсе бы его застрелить – невелика потеря! Да и всех еретиков поганых вместе с ним!

Париж гудел, как разворошенный улей. И тревожный шум этот, запальчивые клятвы и яростные пересуды заглушали тихий голос разума, который и в другие-то времена звучит негромко, а в такие – и вовсе еле слышен.

***

Новость застала Генриха Наваррского в особняке Конде во время игры в мяч. Прочитав короткую записку от Телиньи, оба принца немедленно отправились в отель де Бетизи, куда уже доставили раненого адмирала.

---

¹⁴ Франсуа де Гиз – отец Генриха де Гиза, вождь французских католиков.

Они очень спешили, однако приехав, Генрих не мог понять, к чему была эта спешка. Вокруг раненого суетились доктора. В гостиных суетились старшие офицеры. Потом приехал король, и все стали суетиться вокруг него. Лишь к середине дня Генриху удалось добраться до своего кабинета и подумать.

Сначала мать. Теперь господин адмирал. Ощущение сжимающегося кольца не отпускало его. Слово Париж стремился отнять у него всех самых близких людей одного за другим.

Однако Генрих понимал, что ничего нового в сущности не случилось. Разумеется, главным виновником покушения был Гиз. Кто же еще? Герцог никогда не скрывал своей ненависти к ним. Разве сам Генрих не мог стать жертвой этой ненависти всего месяц назад? Что же теперь должно его удивлять?

Король рвал и метал, грозясь подписать приказ об аресте герцога Лотарингского, но вот незадача: тот пропал. И слава Богу! Генрих не вполне понимал, что станет делать Карл, если Гиз, не приведи Господь, найдется. И вправду арестует вождя парижских улиц? Генрих был бы рад на это посмотреть, но не преувеличивал возможностей короля. Нельзя требовать от Валуа больше, чем тот может дать, это до добра не доведет.

Куда сильнее, чем Гиз его интересовала Екатерина Медичи. Могла ли она быть в этом замешана? Пожалуй, могла. Или нет? Ведь она так много усилий вложила в Сен-Жерменский мир. И все-таки... все-таки... уж очень она ненавидела Колиньи. И боялась его, что даже хуже ненависти.

Да, она могла. Но только не Карл. Генрих не сомневался, что король нуждался в союзе с ними не меньше, чем они сами нуждались в союзе с королем. Разрушить это хрупкое, но такое важное согласие из-за происков Гиза? Нет, Генрих не доставит врагу такого удовольствия!

Взгляд его случайно упал на серебряный гребень с сапфиром, забытый здесь Марго. Ей очень шли сапфиры. Они делали ее глаза совсем синими. Прозвучавший сегодня выстрел мог вновь сделать их врагами. Нет, этого не будет. Скоро закончатся свадебные торжества, и он увезет ее в Нерак, а потом они вместе отправятся в ля Рошель, как он обещал, и протестантская крепость будет приветствовать цветами его красавицу-жену, будь она хоть трижды католичка. Все будет хорошо.

***

Вечером 22 августа протестантские вожди впервые со дня подписания Сен-Жерменского мира создали военный совет.

Антуан де Бушеванн, шпион Екатерины Медичи в отеле де Бетизи¹⁵ доносил своей госпоже, что принцы Бурбоны в тот вечер сильно повздорили. Будто бы принц Конде с графом де Ларошфуко требовали немедленного расторжения Сен-Жерменского мирного договора и осады Парижа. «Хочешь мира – готовься к войне!» – повторял Ларошфуко, и королева легко представляла себе, как на его суровом лице появляются жесткие складки. Адмирал Колиньи, стремившийся во чтобы то ни стало сохранить мир, хоть и был ранен и слаб, однако по-прежнему имел немалое влияние. Он объяснял утреннее покушение на свою особу желанием Гизов поссорить их с королем, и обещал, что уже через неделю они забудут об этом глупом инциденте. Когда же принц Конде начал возражать адмиралу, доказывая, что король Франции с Гизами заодно и всем им в Париже грозит смерть, то Генрих Наваррский язвительно предложил своему кузену отправиться в ля Рошель, буде тот столь сильно опасается за свою жизнь. Конде немедленно вспылал, назвав того самонадеянным индюком, и принцы едва не подрались.

---

¹⁵ Отель де Бетизи – особняк, принадлежавший в те времена семье Колиньи, сейчас имеет адрес Риволи, 144.

Звучали на совете и другие предложения. Господин дю Плесси-Морней высказался в пользу того, чтобы покинуть Париж до лучших времен, не расторгая мирного договора. Однако его тут же принялись стыдить за трусость, и он, пренебрегая всеми правилами этикета, ушел, хлопнув дверью.

Решение оставалось за королем Наваррским, и его слова Бушеванн передал почти дословно. «Мы не позволим нашим врагам втянуть нас в новую свару! – будто бы заявил тот. – Мы не сделаем того, чего они ждут от нас! Ибо тогда они одним выстрелом одержат над нами победу». Услышав это, взбешенный принц Конде вышел вслед за Морнеем.

Читая доклад Бушеванна, королева невесело улыбнулась. Мирлюбие Колиньи было ей понятно: адмирал давно мечтал втравить Францию в войну против Испании, чтобы помочь голландским гугенотам во Фландрии. Он ни за что не пожертвует своими планами ради новой уособицы¹⁶.

Вот только сможет ли он удержать в узде своих ретивых не в меру сторонников? Всю жизнь Екатерина Медичи считала Колиньи злейшим своим врагом, но теперь отчаянно просила Господа и Святую Деву ниспослать ему сил. И все же в глубине души она не верила ни в Колиньи, ни в помощь Всевышнего. И уж конечно, не верила словам Генриха Наваррского. Она знала, что в кипящем котле страстей мирлюбие гибнет первым, а спасется лишь тот, кто сам не боится крови.

---

¹⁶ О войне во Фландрии см. Исторические заметки к Части 1 п.8.

Глава 11. Ночь с 22 на 23 августа 1572 года

Само по себе ожидание надвигающейся беды приводило многих к ситуации серьезнейшей опасности.

Лукиан

Часы на городской ратуше отсчитали двенадцать ударов.

Генрих Наваррский и принц Конде в окружении десятка своих дворян возвращались в Лувр из отеля де Бетизи. Сначала они не разговаривали, дуясь друг на друга, но гнетущая тишина города и тяжелая неясная тревога вновь сблизили их, заставив забыть об обидах.

– Надеюсь, вы с господином адмиралом знаете, что делаете, – заметил принц, возвращаясь к прерванному спору, который волновал их обоих.

Генрих, откровенно говоря, тоже надеялся на это. Сегодня он услышал от Колиньи то, что хотел услышать. Колиньи хорошо знал Карла, обладал большим влиянием на него, и если адмирал был уверен, что король на их стороне, значит, так и есть. Значит, Генрих все рассчитал правильно. Поддержка Колиньи, его готовность взять на себя тяжелые переговоры позволяли Генриху вздохнуть с облегчением. Ведь Колиньи... это Колиньи. Именно он всегда принимал самые сложные решения.

– У тебя есть причины не доверять господину адмиралу? – холодно поинтересовался он у кузена.

– А у тебя есть причины полагать, что он не может ошибаться? – язвительно парировал принц.

Генрих вздохнул.

– Ты прав, он может ошибаться. Кто угодно может ошибаться. Но что ты предлагаешь взамен? Уехать из Парижа и бросить на произвол судьбы тысячи наших единоверцев? Или напасть на парижский гарнизон, как требует Ларошфуко? Захватить Лувр? – он посмотрел на кузена с таким искренним недоумением, что тот вспыхнул и отвернулся.

– Мы должны поднять гвардию, – упрямо продолжал Конде.

– Как ты себе это представляешь? – разозлился Генрих. – Развернуть боевые порядки прямо на Гревской площади? Чего будет стоить после этого мирный договор?

– У нас нет другого выхода, – процедил принц. Его голос звучал почти спокойно, но Генрих не верил этому спокойствию – он хорошо знал своего двоюродного брата.

– Это тоже не выход, – ответил Генрих. – Вспомни, сколько лет мы шли к миру! И теперь ты предлагаешь пожертвовать всем из-за случайного выстрела? Из-за смутных опасений? Ты что, хочешь плясать под дудку герцога Лотарингского? – повторил он свой беспрониимый аргумент.

Эти слова ожидаемо подействовали. Конде, который уже открыл было рот для очередного выпада, резко замолчал. Впрочем, он еще не все сказал.

– Ты забыл про аркебузу гвардии д'Анжу, – напомнил он.

– Не забыл. Она оказалась на месте покушения очень кстати. Прямо будто специально, чтобы ты мог напомнить мне о ней.

Конде сник. Несмотря на свой воинственный пыл, он понимал, что в словах кузена есть разумное зерно.

– Дьявол... не знаю... Но посмотри на город! Неужели ты не видишь: что-то происходит. Париж никогда не был таким... жутким. Не можем же мы просто сидеть, как куры на насесте, и ничего не делать!

Как ни странно, этот последний аргумент, самый нелепый и беспомощный, показался Генриху самым важным. Да, город стоил того, чтобы на него посмотреть. Пустые темные улицы, нависающие громады домов... Было в них нечто такое, что хотелось прибавить ходу и побыстрее оказаться за стенами Лувра.

Час назад Генрих искренне считал, что поступил верно. Он только что повторил доводы, казавшиеся ему бесспорными, и Конде не смог возразить. Однако теперь, проезжая через пустынный зловещий город, он внезапно понял, что вовсе не уверен в своей правоте. А вдруг Ларошфуко и Конде правы? Что, если все это ловушка? Несмотря на жаркую погоду, его прошиб холодный пот. Если так, то уж лучше война. Но если никакой ловушки нет? Если они, поддавшись глупому страху, сами развяжут бойню? Генрих терпеть не мог тратить время на пустые размышления после того, как решение принято. Но что, если оно принято неверно?

– Колиньи обещал все уладить, – снова сказал Генрих, даже не замечая, что повторяется, стараясь убедить сам себя. – Карл прислушивается к нему. Придется подождать.

Некоторое время они молчали, и только мерный стук подков по мостовой нарушал тишину ночи.

– Я должен тебе кое-что сказать, – произнес вдруг принц, отвлекая Генриха от тягостных размышлений.

– Ну? – отозвался тот.

– Не «ну», а слушай внимательно, – Конде был мрачен и задумчив, Генрих никогда не видел его таким. – В кабинете господина адмирала есть тайник, где он прячет какие-то очень важные бумаги... Не спрашивай меня, откуда я знаю, все равно не скажу. Находится он в стене слева от входа. Пять шагов от двери, третий камень снизу. Нужно нажать на нижний левый угол, и камень повернется. Так вот, если с адмиралом что-то случится... и со мной... эти бумаги надо забрать.

– Что случится? – у Генриха перехватило дыхание. Он понимал, что Конде имеет в виду именно то, о чем невольно думал он сам.

– Откуда мне знать, – пожал плечами Конде, – всегда может что-то случиться.

– И что мне нужно сделать с этими бумагами?

– Понятия не имею, – буркнул принц. – Я ведь не знаю, что в них написано, сам решишь, когда прочтешь.

Генрих задумчиво кивнул; им навстречу уже открывались ворота Лувра.

***

Проводив посетителей, Колиньи с трудом уселся в кресло. Нужно было добраться до спальни и хоть чуть-чуть отдохнуть. Завтра будет много дел.

Куда сильнее, чем раненая рука, его беспокоила новая вспышка ненависти, грозившая похоронить под руинами Сен-Жерменского мира давнюю мечту адмирала.

А мечта у него была. И какая! Объединение французов обеих конфессий против общего врага – католической Испании. И мечта эта, еще недавно призрачно маячившая на горизонте, теперь семимильными шагами приближалась к своему воплощению.

Конечно, пока речь не шла о вторжении в испанскую метрополию, но добровольческий корпус Жанлиса и де Ла Ну, спешивший на помощь принцу Нассаусскому, героически воевавшему во Фландрии против дона Альбы, уже пересек границу между Францией и испанскими Нидерландами. Каждый день из Парижа на север уходили отряды волонтеров, а королевские войска готовились к выступлению. Карл, уставший от вероломства испанских союзников, поддержал эту затею на последнем Королевском совете.

И теперь пожалуйста! Это глупое покушение! Колиньи готов был дать отрубить себе руку полностью до самого плеча, если бы это хоть на дюйм приблизило его к заветной цели.

Вот только людей бы как-то успокоить, чтобы дров не наломали от избытка рвения.

Адмирал с трудом встал и сделал шаг к двери. Ему, знаменитому воину, не пристало звать слуг, чтобы добраться до кровати. Но вдруг он почувствовал, что пол уплывает из-под ног. Здоровой рукой он ухватился за спинку кресла и перевел дыхание. Сердце стучало не в груди, как ему полагалось, а где-то в голове, подобно колоколу, который звонил сегодня весь день. Проклятая лихорадка! Нет, он не позволит ей сорвать его планы в такой момент! Вот только немного поспит и завтра снова займется делами. Он справится, как справлялся всегда.

***

Тем временем герцог Анжуйский блуждал по своим покоям, словно загнанный зверь.

– Да-а, мой принц, – протянул шевалье д'Англере. – Я не пылаю любовью к адмиралу Колиньи, но стрелять в него из вашей аркебузы, когда Париж набит гугенотами, словно бочка огурцами, – верный способ расправиться с вами, а не с ним. Моя бы воля – пристрелил бы самого Гиза, ей-богу.

Герцог Анжуйский слушал своего шута и нервно грыз орехи.

– Пристрелить Гиза... хорошая идея, – рассеянно произнес принц. – Но что же нам делать? Что? В Лувре десятки гугенотов! А в городе их тысячи! Гвардия Генриха Наваррского немногим меньше парижского гарнизона и состоит из отборных солдат!

– Вот именно, – д'Англере вспомнил тот день, когда наблюдал из окна трактира «Синий петух» за войсками, входящими в город. – Так что теперь, когда Гиз поспорил вас с гугенотами, от герцога уже не отвертеться. Вы с Гизом теперь союзники навеки, поздравляю. Надеюсь, вы рады такому другу... Впрочем, по-настоящему плохо даже не это.

– Не это?! А что?

– Понимаете, мой принц... – негромко заговорил шут. – Мы не знаем их планов, но и они тоже не знают наших. Мы боимся их, а они нас. Поэтому все мы сидим на бочке с порохом. Любая драка, любая уличная ссора может стать искрой. И никто не в силах даже предположить, к чему приведет этот взрыв. Если бы мы имели две армии в поле, то могли бы отсидеться каждый за своими укреплениями. Но у нас нет укреплений, за которыми мы могли бы спрятаться! Даже здесь, в Лувре, мы не чувствуем себя в безопасности. Если им взбредет в голову напасть среди ночи, нас просто перережут, как курей, – заключил он.

Д'Англере не знал, что именно об этом говорила сейчас Екатерина Медичи своим верным маршалам.

– И что же делать?

– Не знаю... Но одно могу сказать точно. Победит тот, кто ударит первым.

Герцог Анжуйский молчал, глядя на своего приятеля-шута.

– Что ты хочешь сказать? – его голос неожиданно охрип. – Что ты хочешь этим сказать? – повторил он. – А если ты ошибаешься? Если они не хотят дурного? Разве такого не может быть?

– Может. В том-то и дело, что может... Я не знаю.

Глава 12. 23 августа 1572 года

*Быстрее всего наступает та опасность, которой пренебрегают.
Публий Сир*

Наутро появились первые результаты расследования покушения на Колиньи. Дело вел мэтр Дижон, старший следователь двора, потому работа шла на удивление споро. Преступником был объявлен некий Жан де Лувье де Моревеер, наемник на службе герцогов Лотарингских, известный еще по истории с убийством господина де Муи, близкого друга адмирала. Все ниточки вели к Гизам. Аркебуза гвардии герцога Анжуйского объяснялась то ли случайностью, то ли заговором против принца.

Беда заключалась, однако, в том, что гугеноты не верили в случайности. Их отряды, игнорируя указы короля и требования Колиньи, окружили особняки Гизов и д'Омалей. Их возмущенные голоса и бряцанье ножами были слышны даже в саду Тюильри, где королева Екатерина проводила срочное совещание со своими советниками.

В целях предотвращения беспорядков вся городская стража была поднята на ноги, ее отряды несли дежурство возле городской ратуши и в других ключевых точках столицы. Между Лувром и отелем де Бетизи постоянно сновали гонцы: Карл IX и адмирал Колиньи стремились во что бы то ни стало затушить тлеющий пожар. Впрочем, толку от их усилий не было никакого. Обстановка накалилась до предела, что еще более усугублялось болезненным состоянием адмирала.

Если вчера вечером Екатерина Медичи слабо надеялась на успех мирных инициатив своего сына Карла, то сегодня ей стало понятно, что ни король, ни даже его «дорогой отец» Колиньи не могут удержать город в узде. Ей же самой на это нечего было и рассчитывать: ее, как и герцога Анжуйского, ее любимого маленького Анри, гугеноты подозревали в причастности к покушению. Д'Анжу был бледен и явно напуган; он не смел и носу показать за пределы Лувра, ибо толпы вооруженных озлобленных гугенотов могут напугать даже очень храброго человека. И лишь Генрих Наваррский оставался весел и любезен. Будто слабоумный. Впрочем, королева была признательна ему за это.

Правда, и он не отпускал от себя свиту из дюжины верных людей: Жан де Лаварден, виконт де Комменж, Гаро, Сегюр, д'Арманьяк, Миоссенн и другие дворяне не отходили от него ни на шаг. Многие заметили, что раньше он вел себя проще.

– Если бы я родился королем большого королевства и был так же высок и статен, как его величество, меня бы почитали и без свиты, – шутил он, – но поскольку я всего лишь король Наварры да к тому же не вышел ростом, приходится носить каблуки и окружать себя придворными.

Впрочем, шутки теперь не очень помогали разрядить обстановку.

***

Генрих ужасно устал от скрытого напряжения последних дней. Встречаясь взглядом с сестрой, он видел, страх в ее глазах, и страх этот усиливал его собственную тревогу. Генрих думал, что надо бы как-то подбодрить ее, но не знал чем. Она ждала от него уверенности, однако с каждым часом он и сам все больше сомневался в своем решении. Лишь упорство Колиньи еще заставляло его придерживаться избранного пути.

– Мне страшно... – тихо сказала Катрин, когда они наконец остались одни.

Генрих молчал. Ярко горел огонь в камине; они стояли вдвоем в круге света, отделявшего их от окружающего мрака и от всего мира.

– Давай уедем, – попросила она, прижавшись к нему и положив голову ему на плечо, – вернемся домой, в Беарн. Там сейчас спеют дыни и виноград, а таких персиков, какие там растут вдоль дорог, здесь не подают даже на королевских пирах. Ну что тебе стоит, Генрих! Увезем с собой твою жену. Что нам делать в этом городе? В этом каменном мешке?!

От знал, что от него пахнет вином и чужими духами, но она все равно жалась к нему в поисках защиты. После смерти матери у них на всем белом свете не осталось никого, кроме друг друга. Генрих нежно погладил ее по волосам.

– Конечно, мы скоро уедем, Кати. Когда мы вернемся домой, будет еще тепло, и ты успеешь поесть персиков.

– Обещай мне! – потребовала она.

– Обещаю, – ответил Генрих.

Посоветовавшись со своим верным камердинером д'Арманьяком, Генрих решил все же не оставлять Катрин в Лувре, а отправить ее в парижский особняк, находившийся под надежной охраной солдат господина де Телиньи. Самому же ему предстояло провести эту ночь во дворце. Сорок дворян-гугенотов должны были дежурить в его покоях. Сохранять невозмутимость становилось все труднее.

Глава 13. Ночь в канун дня Святого Варфоломея

*Французы спятели, им отказали разом
И чувства, и душа, и мужество, и разум.
Тэодор-Агриппа д'Обинье, «Трагические поэмы»*

Генрих вертелся в своей роскошной постели, изнемогая от жары и тревоги. Полог кровати был опущен, создавая видимость уединения, но в гостиной за дверью дежурило сорок человек охраны. Рядом, свернувшись калачиком, лежала его молодая жена.

Генрих с нежностью посмотрел на нее. Вчера он отказал в поддержке Ларошфуко и Конде по множеству причин. Но главной из них была та, в которой он не хотел признаться даже сам себе. Он просто не мог смириться с мыслью, что эта женщина, его юная супруга, вновь окажется в стане его врагов. Тогда решение, предложенное адмиралом Колиньи, казалось ему очень удачным. Теперь он так не считал.

Сейчас, спустя всего сутки, стало очевидно, что Колиньи не очень-то справился с ролью миротворца. Это было понятно по необычному поведению дворцовой охраны, по гулу голосов в коридоре, несмотря на поздний час. По множеству странных мелочей, на которые все труднее было обращать внимания. А Колиньи продолжал сидеть в отеле де Бетизи, кропая бессмысленные письма королю. А он, Генрих Наваррский, ничего не предпринимал, переложив всю ответственность на раненого адмирала. Хуже того, он лег спать!

Генрих резко сел, свесив ноги с кровати, и потянулся к звонку для вызова слуг, но передумал. Быстро натянув штаны и рубашку, он с отвращением взглянул на тяжелую кольчугу и отодвинул ее в сторону. Маргарита с тревогой наблюдала за ним.

– Куда вы? – спросила его жена. – Ночь на дворе.

– Не хочу мешать вам спать, – он ласково чмокнул ее в лоб и улыбнулся, но тут же опять задумался о другом.

Генрих выглянул в окно. Окутанный тьмой город только притворялся спящим. В ночной тишине было хорошо слышно, как вдоль реки разносятся чьи-то голоса, в воду мерно опускаются весла, по камням мостовой негромко звенят подковы.

«Встретиться с королем и объяснить», – думал он, застегивая колет. Поздний час не смущал его, ибо ночь эта лишь продолжала странный длинный день, который никак не мог закончиться. «Нужно поговорить с королем, пока еще не поздно... А если не удастся...» – что делать, если не удастся, Генрих не знал, но не сомневался в одном: гвардию необходимо привести в готовность. И пусть это, черт возьми, все видят! Дальше тянуть некуда. Генрих прицепил к поясу шпагу и кинжал и вышел из спальни.

При его появлении дворяне, до этого лениво игравшие в карты, повскакивали со своих мест.

– Кайвень, Сегюр, – подозвал король Наваррский.

Передав доверенным посланцам приказ, адресованный капитану гвардии шевалье де Телиньи, и дождавшись, когда за ними закроется дверь, Генрих вздохнул с облегчением.

В сопровождении двух десятков своих дворян он направился в правое крыло дворца, где размещался Большой Королевский Двор и личные покои короля. По коридорам сновали деловитые вестовые, из-под некоторых дверей сочился свет. Замок и не думал отдыхать. Однако к Карлу Генриха не пропустили. Заспанный камердинер в ночном колпаке с недоумением сообщил, что его величество изволит почивать.

Не зная, что еще предпринять, Генрих спустился во внутренний двор.

«Колодец» Лувра был полон народу, несмотря на поздний час. Казалось, все смены дворцовой стражи сегодня подняты на ноги, ярко горели факелы. Появления группы гугенотов никто будто бы не заметил. Остановив одного из гвардейцев, Генрих спросил, в чем дело.

– Готовимся к завтрашнему турниру, сударь, – бросил тот на бегу, очевидно, не узнав короля Наваррского. Больше от него ничего добиться не удалось.

И тут в толпе Генрих увидел Сегюра, который о чем-то спорил с караульным солдатом. Рядом топтался Рене де Кайвень. Им так и не удалось покинуть Лувр! Связи с Телины нет!

Они тоже заметили его и, бросив бессмысленную перебранку, подошли к своим. Но Генрих не успел ни о чем расспросить их, потому что боковым зрением он увидел, как к нему направляется небольшой отряд солдат во главе с офицером королевской охраны. «Легаст, – вспомнил Генрих, – кажется, так его зовут». Тот с самым невозмутимым видом сообщил, что его величество проснулся и готов принять короля Наваррского.

Все в этот вечер было так странно, что даже известие о неожиданном пробуждении Карла не удивило Генриха. Нервы его были натянуты словно струна, и Генрих искренне не понимал, как сейчас можно спать.

Он кивнул Легасту и, сделав знак своим людям следовать за ним, направился ко входу во дворец. Однако посланник короля преградил ему дорогу.

– Государь готов принять только вас, – грубовато сообщил он. – Мы сами вас проводим, ваше величество.

В его голосе отчетливо слышалась угроза, за спиной переминались солдаты. Однако их было меньше, чем гугенотов, и Генрих не вполне понимал, на что они рассчитывают.

– Не стоит утруждаться, – Генрих нервно усмехнулся, заметив, как рука Легаста потянулась к клинку.

Он сделал шаг назад и тут же оказался среди своих дворян, которые уже успели обнажить шпаги. Две группы людей застыли друг напротив друга с оружием в руках. Повисла напряженная пауза. Те и другие нерешительно переминались с ноги на ногу, все, явно, чувствовали себя глупо.

Вдруг тревожно и гулко ударил колокол маленькой дворцовой церквушки. Этот звук произвел эффект сорвавшейся тетивы, будто все только его и ждали. Эхо подхватило хриплый звон и пронеслось по каменным коридорам. Как по команде открылись двери казарм, и из них повалили вооруженные солдаты.

Их было много. Генрих сбился со счета, но, так или иначе, перевес стремительно смещался на сторону противника. «Началось!» – понял он, еще не зная, что именно началось, но почему-то сразу стало легче.

– Защищать короля! – крикнул Гаро, и гугеноты окружили Генриха плотным кольцом.

– Вперед! Бей еретиков! – закричал Легаст, с которым несколько минут назад Генрих беседовал почти мирно, и солдаты с воплями насели своей массой на отчаянно сопротивляющихся гугенотов. Завязалась драка. Все нападавшие были в кирасах, гугеноты же не имели доспехов.

Генрих принял шпагу на кинжал, с усилием отведя лезвие в сторону. Его клинок лязгнул о броню, чудом не сломавшись. Бить в лицо и шею, мелькнула мысль. Единственный шанс. Краем глаза он заметил, как Фротеннак, его верный капитан, отразил предназначавшийся ему удар. Генрих видел, что его стараются оттеснить внутрь кольца и закрыть собою, но понимал, что сейчас дорога каждая пара рук. Прятаться было негде.

Генрих видел, как упал Кайвень, и на его рубашке быстро расплзлось красное пятно; затем Комменж. Этьен де Кавань, Антуан де Гаро, Карназе, Сегюр были ранены и отчаянно нуждались в помощи или хотя бы в отдыхе. Генрих не понимал, что происходит, но думать об этом времени не оставалось.

– Наваррца живым! Приказ короля! – услышал Генрих голос офицера. – Сдавайтесь, ваше величество, и вас не тронут! Государь дает слово! – кричал он, надсаживая горло и пытаясь перекрыть звуки боя.

Генрих уже понял, что им не на что надеяться. За считанные минуты они потеряли несколько человек убитыми и ранеными, им неоткуда было ждать помощи, а силы нападавших лишь прибывали.

– Мы сдаемся, – крикнул он.

– Назад! – скомандовал Легаст своим.

Кольцо солдат немедленно разжалось, оставив в центре маленькую группку гугенотов.

– Оружие на землю! – приказал Легаст.

– Выполнять, – устало произнес Генрих. Сам он вышел вперед и протянул свою шпагу врагу.

– Ну вот, ваше величество, я же говорил, что придется вам пойти с нами, – доброжелательно улыбаясь, заметил тот. Генриха окружили солдаты короля, сложенное гугенотами оружие быстро собрали с земли.

– Прикончить их! – спокойно приказал Легаст, указывая на стоящих поодаль протестантов, которые только что сложили шпаги. Генрих ушам своим не поверил.

– Стоять! Вы не смеете! Мы же сдались! – Генрих отчаянно рванулся вперед, сам не зная зачем. Двинул кого-то локтем. Послышались мерзкий хруст и крик: очевидно, ему случайно удалось сломать кому-то нос.

– Держите его! – крикнул Легаст. Несколько человек тут же надели на него и скрутили, словно колбасу, заведя руки за спину, лишив какой-либо возможности сопротивляться. Последним усилием Генрих удержался, чтобы не рухнуть на колени. Это самое большое, что он мог сделать теперь.

Время как будто остановилось. Медленно-медленно, во всех деталях, он видел, как укрытая в доспехи солдатня шутя расправляется с безоружными людьми. С его людьми, сдавшимися на милость победителя по его приказу! Он вдруг наткнулся взглядом на последний взгляд Фротеннака. Капитан хотел что-то сказать, но в этот момент стальное лезвие пробило ему горло, из полуоткрытого рта хлынула кровь. Тело тяжело осело на брусчатку.

– Приказ короля, – вежливо пояснил Легаст, – идемте.

Когда Генрих покинул внутренний двор, все его люди были уже мертвы.

***

Пока маленький отряд, сопровождавший короля Наваррского, пробирался по коридорам Лувра, Генрих успел увидеть, как группа придворных, устроив настоящую травлю, добивает де Бове. По всему замку слышались крики и топот сапог, падала мебель, звучал пьяный хохот, где-то истошно заверещал младенец. Несколько раз в темных коридорах Генрих спотыкался о мертвые тела. А колокол звонил и звонил, громко, надрывно, как набат.

Отряд двигался довольно быстро: Легаст, очевидно, хотел поскорее избавиться от важного пленника, поэтому Генриха постоянно подталкивали в спину, вынуждая идти живее. Он с трудом соображал, будучи не в силах осмыслить происходящее, и успевал только переставлять ноги.

Наконец они добрались до маленького кабинета короля. Дверь распахнулась, и Генриха мягко подтолкнули внутрь; за спиной повернулся ключ.

Кабинет был пуст.

Царящая здесь тишина оглушила его. Ковры и тяжелые дубовые двери гасили звуки побоища, и эта комната казалась островком безопасности посреди кровавого хаоса. Генрих опустился на стул и закрыл голову руками.

Он не мог сказать, сколько просидел так, ибо потерял счет времени.

Дверь снова приоткрылась. Генрих вскочил. Он был уверен, что сейчас войдет король. Однако из-за портьеры показался принц Конде. Волосы его были всклокочены, а лицо измазано кровью и имело сероватый оттенок.

«Я, наверное, выгляжу не лучше», – подумал Генрих. Он не знал, что незадолго до этого в покоях Анри де Конде, прямо у него на глазах, был зверски убит господин Бовуа, гувернер принца, некоторое время учивший и самого Генриха. А когда Конде попытался его защитить, молодого Бурбона оттащили в сторону и, отобрав оружие, предложили посмотреть, как будет умирать его старый воспитатель.

Конде обвел комнату пустым взглядом; как будто не замечая Генриха, он быстро подошел к окну и распахнул его. Окно выходило во внутренний двор Лувра, и Генрих, зная, что увидит там, не хотел смотреть на улицу. Однако крики, раздававшиеся снаружи, заставили его подняться.

Двор был хорошо освещен факелами, и им со своего места, как в императорской ложе амфитеатра, было отлично видно все, что там происходит. Акустика каменного мешка позволяла различать отдельные фразы.

Генрих видел, как почти в самом центре площадки спиной к спине, ошетилившись шпагами, стоят генерал де Ларошфуко и юный Леруа, которому не исполнилось еще и семнадцати лет. На белом воротнике мальчишки отчетливо виднелась кровь. Их окружало кольцо гвардейцев и придворных короля, возглавлял которых молодой герцог де Шеврез. Гугеноты явно не собирались становиться легкой добычей. Католиков было значительно больше, но они выжидали, понимая, что первым не поздоровится. Возникла пауза.

Де Шеврез сделал несколько шутовских выпадов. Эта сцена явно веселила его.

Ларошфуко что-то резко крикнул, и в этот момент в его сторону полетел кинжал. Он попытался увернуться, но не совсем удачно, лезвие царапнуло ему правое плечо. Началась драка. Ловкий удар Леруа вспорол живот одному из нападавших, но на этом везение оставило гугенотов. Пока Леруа вынимал шпагу из тела поверженного врага, клинок другого почти снес ему голову. Тело юноши безжизненно опустилось на мостовую.

Оставшись один, Ларошфуко еще некоторое время отбивался, но, у одного против шестерых, у него не было шансов. Его сбили с ног и долго с остервенелой яростью забивали сапогами. Через несколько минут палачи, видимо, устали от этой возни, но жертва еще дышала, и горячие сердца их требовали продолжения. Тогда де Шеврез снял со стены факел, очевидно, собираясь поджечь на Ларошфуко одежду. Ему хотелось поглядеть, как знаменитый вражеский генерал будет корчиться на земле и выть от боли.

Однако, к его глубокому разочарованию, затее этой не суждено было осуществиться. На пороге казарм неожиданно возник шевалье д'Англере. Его появление было встречено с энтузиазмом и заставило де Шевреза ненадолго отвлечься от своих занятий. Однако, судя по всему, тот не разделял радости собравшихся. Что-то язвительно бросив герцогу, шевалье отодвинул плечом одного из расшалившихся юнцов и подошел к лежащему на земле Ларошфуко. Затем достал кинжал и быстрым четким движением перерезал ему горло. Кровь полилась на каменные плиты. «Шутники» обиженно взвыли, лишившись любимейшей игрушки, но Ларошфуко этого уже не слышал. Все было кончено.

***

Король Наваррский и принц Конде наконец нашли в себе силы отвести взгляды от окна и одновременно посмотрели друг на друга. Лица их были одинаково серыми.

Оба помнили предостережения генерала. Дитя религиозных войн, Генрих видел смерть неоднократно, но страшная гибель этого храброго преданного человека на потеху кучке спятввших юнцов его потрясла.

Между тем в коридоре со всех сторон слышались пьяные выкрики и смех. Время от времени во дворе появлялись гугеноты, наивно надеявшиеся найти у регулярных частей короля спасение от царящего во дворце хаоса. Многие из них были ранены. Дежурные гвардейцы методично отлавливали и добивали обезумевших людей, еще не верящих в свой конец.

Генрих поймал себя на том, что сидит на полу, зажав руками уши. Он заставил себя подняться, цепляясь за стену, и огляделся. Конде по-прежнему стоял у окна и не отрываясь смотрел на улицу.

– Лучше не смотри, – посоветовал Генрих, и хриплый звук собственного голоса показался ему незнакомым.

Конде резко развернулся на каблуках. Его лицо было искажено болью и ненавистью.

– Это ты виноват, – произнес он тихо; затем уже громче, срываясь на яростный крик, повторил: – Это ты виноват! Тебя предупреждали, но ты же не послушал! Что тебе чужие советы, ты ведь король! А теперь они мертвы, а ты продолжаешь коптить небо! Чего ты там хотел?! Мира?! Вот он, твой мир! Посмотри на него! Полюбуйся! Что же ты отворачиваешься?!

Генрих весь съежился под шквалом справедливых обвинений. Ему нечего было ответить.

Удар принца был направлен в лицо, и лишь отработанные рефлексy позволили Генриху уклониться. Однако страшные слова достигли цели. «Это ты виноват, ты виноват», – стучало в голове. Еще вчера можно было просто уехать. Почему же они этого не сделали? Он не мог вспомнить.

Очередной вопль, раздавшийся за окном, заставил его очнуться от своих терзаний.

Генрих подскочил к запертой двери и отчаянно задолбил по ней ногами.

– Откройте! Открывайте же, негодяи! – задыхаясь, кричал он. – Я должен говорить с королем!

– Подожди, дай-ка мне, – Конде словно обрадовался возможности применить свою ненависть по назначению. Он деловито подтащил стул и с силой ударил им в дверь. Резная ножка подломилась и отлетела в сторону.

– Черт!

В коридоре раздался новый взрыв пьяного хохота. Он отрезвил их обоих.

«Могут ведь и правда открыть... – подумал Генрих неожиданно спокойно. – Кто знает, чем это закончится...»

На место истерики пришло спокойствие безысходности.

– Ну что ж... – он мрачно улыбнулся. – Может, за нами и не вернуться, тогда нам повезло. А может, и вернуться. Вот и посмотрим. Подождем.

Однако ждать им пришлось недолго. Дверь резко распахнулась. На пороге стоял король.

Карл был пьян, с нижней губы свисала ниточка слюны. На лице его явственно читались признаки помешательства. Он появился в сопровождении Гуфье и Легаста, волоча за собой по полу тяжелую аркебузу, как ребенок – надоевшую игрушку.

Он с трудом сфокусировал мутный взгляд на своих пленниках, и в его заплывших глазках мелькнуло озадаченное выражение, как будто он не ожидал их здесь увидеть.

– А-а... вот вы и попались, мерзкие еретики... враги святой Церкви, – протянул король, впрочем, безо всякой злобы в голосе.

Он уронил аркебузу и вытащил клинок. Затем, вперив его в пространство где-то между Наваррой и Конде, яростно проорал, так, что было слышно на улице:

– Смерть гугенотам! Отрекайтесь, нечестивцы, или умрете!

Те как по команде отступили за кресла. Отбиваться стулом от шпаги и аркебузы было, конечно, несподручно, но другого оружия у них не нашлось. Гуфье и Легаст переглянулись, видимо, не понимая, должны ли они считать приказом пьяный выкрик своего господина, или это было лишь театральным действием, что так любил король. Они были значительно трезвее своего сеньора, поэтому не спешили выполнять его повеления. Рассудив, видимо, что расправиться с высокородными пленниками они всегда успеют, а вот воскресить при необходимости – вряд ли, Гуфье закрыл кабинет изнутри и встал у дверей. Легаст последовал его примеру. Генрих понял, что первая опасность миновала.

Из Карла тем временем будто выпустили воздух. Он рухнул в кресло и апатично уставился впереди себя, забыв о зрителях. Потом на его лице появилось беспокойство, он оглядел кабинет в поисках чего-то и вновь наткнулся взглядом на Генриха. Лицо короля просветлело.

– Эй, Наварра, слышь... ик... Налей-ка мне вина... И сам выпей со мной.

Генрих, молча поклонившись, взял с резного столика бутылку бургундского и наполнил два кубка, стараясь держать руки на виду, чтобы никому не пришлось в голову, будто он собирается отравить короля. Оба кубка он поставил на стол перед Карлом, как бы предлагая ему выбрать самому.

Король не глядя схватил один из них и, осушив большими глотками, потеплевшим взглядом вновь посмотрел на зятя. Генрих пригубил из своего кубка. Момент показался ему вполне подходящим, чтобы задать некоторые вопросы.

– Объясните мне, сир, что происходит? – начал он с возмущением. – Почему вотчина французских монархов вдруг стала местом гибели ваших верноподданных протестантского вероисповедания? Я не верю, что в этом состоит воля короля.

Карл перевел на него мутный взгляд.

– Что происходит, что происходит... Избавление от гугенотской скверны, вот что происходит... Десница святой католической Церкви простерлась над нами, и дух наш воспарит через очистительный огонь, – бессвязно проговорил король, затем мечтательно добавил: – Видел бы ты, друг Наварра, что делается в городе. Скоро на улицах не будет ни одного поганого еретика, и святая благодать воссияет над моим несчастным королевством...

Он продолжал говорить что-то еще в том же духе, но Генрих его уже не слышал. Почему-то до этого ему не приходило в голову, что за стенами замка творится то же самое. Он наивно думал, будто хуже того, что он видел своими глазами, быть уже не может. Теперь же осознание размеров бедствия обрушилось на него с новой силой. Тысячи людей, которых он привел сюда, гибли сейчас на улицах Парижа, а он мирно беседовал с их палачом. Вдруг еще более страшная мысль резанула его. В городе была Катрин, его младшая сестренка, последний родной человек, оставшийся у него после смерти матери. Он вспомнил, как накануне вечером отправил ее в парижский особняк, наивно полагая, что там для нее будет безопаснее, чем в Лувре. Генрих живо представил себе, как толпа озверевших фанатиков расправляется с охраной, вламывается в дом, убивает прислугу, затем проникает в ее покои... Ужас скрутил его внутренности...

– Сир, там моя сестра! – Генрих непочтительно оборвал длинную тираду короля. – Ей всего тринадцать! Сир, пощадите ее! – он искательно заглядывал в глаза королю, пытаясь увидеть в них последние признаки человечности. Теряя от нахлынувшей паники остатки гордости, он готов был ползать в ногах у Карла и целовать сапоги, если бы только это помогло достучаться до потухшего сознания владыки Франции. Однако взгляд короля оставался тупым и безмятежным.

Тогда Генрих в ярости схватил его за расстегнутый ворот дублета и сильно встряхнул, так что голова его величества мотнулась назад.

– Сир, спасите мою сестру! – в отчаянии крикнул он, вложив в свой крик весь ужас, всю ненависть к этому слабоумному борову, лишь по недосмотру Божию носившему корону Франции. Сильные руки Легаста и Гуфье отшвырнули его от короля в угол комнаты. Однако его вспышка возымела действие. На лице Карла вдруг появилось осмысленное выражение.

– Ну что ты орешь, как блаженный, – недовольно произнес он своим обычным брюзжащим тоном, в котором не было и следа безумия. – Ничего с ней не делается. Там мои люди. Ее защитят.

Он не лгал. Генрих понял это сразу, и сжавший его сердце ледяной обруч немного ослаб, давая возможность дышать.

Карл отлично все понимал, его сумасшествие было лишь маской, позволяющей скрыться от окружающего кошмара. Слабый и трусоватый политик, он вовсе не был жесток. Жертвуя тысячами жизней неизвестных людей, он все же пытался спасти хотя бы тех, кого знал лично, и именно ему король Наваррский и принц Конде должны были быть признательны за то, что до сих пор живы.

– Благодарю вас, сир, – искренне произнес Генрих.

***

А город тем временем бурлил кровавой пеной.

По сигналу колокола церкви Сен-Жермен-л'Оксерруа отряды городской милиции, солдаты и ополченцы герцога де Гиза приступили к последовательному истреблению старших офицеров протестантской армии. Дома, где остановились вожди гугенотов, заранее были взяты под наблюдение, чтобы никто из особенно ценных жертв не ушел живым. Все выходы из Лувра были перекрыты людьми господина де Коссена, получившими строгий приказ не выпускать никого из сторонников принцев Бурбонов.

Задача регулярных войск состояла в том, чтобы, избавившись от полководцев, лишить гугенотов возможности сопротивляться. Однако инициатива властей оказалась энтузиазмом подхвачена горожанами и чернью, и в скором времени жестокая, но объяснимая «военная операция», направленная против верхушки протестантской армии, превратилась в массовое истребление всех гугенотов.

Ненависть, взращенная последним десятилетием религиозных войн, замешенная на страхах, подогретая безнаказанностью и вином, в одночасье взломала все заслоны христианского воспитания и человечности, выплеснулась на улицы города. Толпы убийц и насильников, людей, которые еще несколько часов назад были скромными торговцами или аптекарями, примерными отцами семейств, затопили Париж.

Некоторые магистраты противились резне. Прево Парижа Жан ле Шеррон неоднократно отдавал приказы сложить оружие и разойтись по домам, но разве могли его теперь услышать? Ворота города закрылись, и Париж превратился в гигантскую ловушку, в которой за одну ночь погибло несколько тысяч человек.

Глава 14. По другую сторону Сены

Почему люди следуют за большинством? Потому ли, что оно право?

Нет, потому что оно сильно.

Мишель де Монтень

Шевалье д'Англере вытер кинжал об одежду мертвеца и быстро пошел к воротам. Стражник без единого слова выпустил его.

Город был непохож сам на себя. Отовсюду слышались крики, плач, смех... В свете факелов сновали какие-то тени. Д'Англере обошел лежащее прямо у ворот мертвое тело. Наклонился, перевернул его, заглянул в лицо. С удовлетворением узнал шевалье де Телиньи, правую руку генерала де Ларошфуко. Откуда он тут взялся? Ведь ему полагалось быть в городе. Не все ли равно? Что ж, господа еретики, недолго довелось вам топтать мостовые Парижа.

Краем глаза он отметил, как небольшой отряд гугенотов довольно успешно отбивается от превосходящих их по численности, но явно уступающих в умении ополченцев Гиза с белыми повязками на рукавах. Гугеноты заметно теснили их, некоторые из нападавших уже были мертвы. Д'Англере вынул оружие и поспешил на помощь своим.

Его шпага со свистом распорол воздух и проткнула живот одного из гостей. Кинжалом он отбил клинок второго и слегка отступил, чтобы принять новый бой.

Радость освобождения пела у него в крови – долго он будет помнить эту святую ночь!

Благодаря вмешательству опытного воина, перевес опять сместился на сторону католиков. Тут подоспел еще один отряд ополченцев, и у врагов не осталось шансов.

Д'Англере стало скучно, и он двинулся дальше.

Проходя мимо трактира «Синий петух», он увидел, как несколько молодчиков из ополчения Гиза с белыми повязками на рукавах ломятся в двери. Это показалось ему странным недоразумением, и он решил вмешаться.

– Эй, господа, вы что-то перепутали. Здесь живут добрые католики, я знаю хозяина этого дома!

– Эти добрые католики, сударь, прячут у себя гугенотов. Значит, они и сами гугеноты!

– Эй, ребята, поднажмем, – крикнул кто-то. Тут замки не выдержали, и дверь провалилась внутрь. Откуда-то сверху раздался женский крик.

– Католики мы, католики! Детей-то пощадите, нехри...!

Фраза оборвалась на полуслове. Ожидая самого худшего, д'Англере растолкал их локтями и пробрался наверх. Это был тот самый зал, из окна которого он совсем недавно наблюдал за армией гугенотов, входившей в Париж. На полу в луже крови лежала матушка Фуке. Рядом с ней, хватаясь за ее юбку, в голос ревела пятилетняя девочка.

Другая девочка, лет тринадцати, старшая дочь мэтра Фуке, судорожно пыталась оттащить сестру от умирающей матери. Мальчишка лет семи забился в самый дальний угол. Он непрерывно икал и в ужасе таранился по сторонам, явно не понимая, что происходит.

– Кто это сделал? Вы что?! Не в своем уме?! – д'Англере не понимал, как такое могло случиться.

– Эта баба скрывает гугенотов! – крикнул кто-то. – Проваливайте-ка отсюда, сударь, подобру-поздорову!

Но шевалье и не думал проваливать.

– Убирайтесь, – велел он непрошеным гостям и поудобнее перехватил шпагу. Что-то в его лице было такое, что ополченцы, совсем еще недавно храбро сражавшиеся с женщиной и

детьми, нерешительно мялись у входа. Их было пятеро против одного, и им, пожалуй, казалось глупым выполнять приказы этого странного господина.

– Это вы уходите, сударь, пока целы, – спокойно возразил старший из них, державший в руках топор. – Здесь прячутся гугеноты, а эти люди им помогают.

– Эй, Жако! Хватит болтать, может, он и сам гугенот, только белую повязку нацепил! Давайте-ка, робя! Подна...

Он не успел договорить, потому что клинок д'Англере пробил ему горло. Кровь фонтаном хлынула на ковер и белую скатерть.

– Ну? – угрожающе произнес шевалье. – Кто еще думает, что я гугенот?

Они разом отступили, шарахнувшись от товарища, что еще корчился на полу, издавая булькающие звуки.

– Слышь, Жако... А может, он и правда, эта... католик... Ну его... Некогда нам...

С опаской глядя на незнакомца, они попятились к выходу, подстегиваемые угрюмым взглядом шевалье. Когда они наконец ушли, д'Англере наклонился к матушке Фуке. Несмотря на лужу крови на полу, она была жива и тяжело дышала.

Он стащил со стола скатерть, скомкал ее и зажал ею рану.

– Эй ты! Как тебя? – д'Англере огляделся в поисках старшей девочки.

– Я здесь, господин, – надо отдать ей должное, она быстро сообразила, что ему требуется ее помощь.

– Полотенце неси! Где у вас полотенце?

– Сейчас, господин... – она ненадолго исчезла из поля зрения. – Вот, возьмите, – ее тонкая рука, протягивающая ему полотенце, мелко тряслась, но она делала что нужно и не теряла головы. «Молодец девчонка», – краем сознания подумал д'Англере.

Он взял полотенце и перетянул рану, как мог. Потом поднялся с колен и повернулся к девочке.

– Где господин Фуке? Твой отец где?

– Он... ушел... бить еретиков... сказал закрыться, но тут был раненый, и матушка... его впустила...

– Ясно. Давай-ка перетащим ее в подпол, – он снял столешницу со стола и осторожно перенес на нее мадам Фуке.

Д'Англере никак, никак не мог допустить, чтобы она умерла. Он вспомнил свою собственную мать, к которой так и не успел на помощь...

– Что стоишь? Помогай, – велел он девочке, – держи второй край.

Вдвоем медленно и осторожно они несли в подпол раненую женщину. Младшая очень мешала им, продолжая реветь и хвататься за мать. Д'Англере хотел прикрикнуть на свою помощницу, чтобы она убрала куда-нибудь сестру, но сообразил, что ей-то приходится намного тяжелее, чем ему самому.

Устроив мадам Фуке в подполе, он взял еще одну скатерть и прижал к ране.

– Держи крепко, – сказал он, – попробуй остановить кровь. Я приведу доктора, иначе твоя мать умрет.

Он вылез наверх, сгреб в охапку мальчишку, который продолжал икать и бессмысленно пялиться на него, спустил его в подпол к матери и сестрам.

– Закройтесь на все засовы, сидите очень тихо и никому не открывайте, – велел он.

– Господин, не уходите, – девочка судорожно хватала его за колет, – они вернутся и убьют нас всех!

Не отвечая, он отцепил от себя ее пальцы; лицо ее было зеленоватым от ужаса.

– Как тебя зовут? – спросил он неожиданно для себя.

– Мари, господин.

Он взял ее за подбородок и посмотрел в глаза.

– Я скоро вернусь, Мари, и приведу врача. Все будет хорошо, слово дворянина.

Д'Англере выбрался из подпола, прислушался к скрежету щеколды снизу и прошел в кухню. Там лежал человек с рваной раной в боку.

– Гугенот? – спросил он коротко, вынимая окровавленную шпагу.

Раненый кивнул. Он легко мог солгать, что католик, но для всех этих фанатиков, которые гибли сегодня на улицах города, подобная спасительная ложь была равносильна предательству.

Раненый смотрел, как с лезвия капает кровь, но не пытался ни защититься, ни просить пощады, потом закрыл глаза и начал молиться.

– Я не убью вас, сударь, – помолчав, сказал д'Англере, – ради доброй хозяйки этого дома. Ваш Бог сам накажет вас, что вы спрятались за ее юбку.

Он развернулся и быстро выскочил за дверь.

Бойня вокруг продолжалась, но сейчас ему было не до нее. Человек, который этой ночью вышел на улицы города, чтобы убивать, неожиданно оказался слишком занят. Он пытался спасти хоть кого-нибудь.

Аптекарская улица находилась всего в двух кварталах отсюда, и д'Англере быстро нашел нужный дом. Он забарабанил кулаком в дверь.

– Эй! Мэтр Салье! Открывайте, это я, Шико, есть работа для вас.

Дом молчал, из-под закрытых ставней не пробивалось ни единого лучика света.

– Мэтр Салье! Дьявол вас заберите! Открывайте! Или, клянусь смертью Христовой, я подожгу дом!

Угроза подействовала. Маленькое зарешеченное окошко приоткрылось, и в проеме показался длинный пористый нос.

– Уходите, господин Шико! Я сегодня не принимаю, уходите, говорю вам! Вы и так привлекаете слишком много внимания.

– Я сейчас позову сюда целую толпу вон тех мясников и скажу им, что вы прячете у себя гугенотов, если вы не откроете дверь.

– Не надо, не надо, господин Шико, – дверь приоткрылась, и д'Англере смог войти.

– Собирайтесь! – приказал он. – Здесь совсем недалеко умирает добрая женщина. Вы должны помочь ей. Вы же давали клятву... этого... как его...

– В этом безумном городе умирает прорва людей! Не могу же я помочь всем!

– Не надо всем. Помогите ей. Где ваш портфель? А, вот он, наверное! Все? Вы оделись? Идемте. Да шевелитесь вы живее, на улице вправду опасно.

Когда шли по переулку Сен-Мари, дорогу им перегородила огромная толпа. Людская река катилась между домами, вынудив их остановиться, чтобы пропустить бурлящий поток. Мимо на белоснежной кобыле проскакал герцог де Гиз.

– Убивайте! Убивайте всех! Я один отвечаю за все! – кричал он, и толпа восторженно вторила своему кумиру.

Вдруг какой-то человек из толпы заметил их. Он отделился от своих товарищей и направился прямо к д'Англере и мэтру Салье.

– Гугеноты?! – заорал он, целя из аркебузы прямо в доктора.

– Да мы католики, олух, не видишь, что ли, – д'Англере указал на свою белую повязку и перекрестился.

– А-а... католики, – разочарованно протянул тот. В этот момент палец его сорвался с крючка, и аркебуза выстрелила. Салье резко присел. Пуля просвистела мимо.

Д'Англере взял аркебузу за дуло и резко дернул на себя. Борец за веру выпустил оружие и неуклюже свалился носом в грязь. Он долго возился на земле, пытаясь подняться. Наконец д'Англере это надоело, он наклонился, обшарил незнакомца и снял у него с пояса два мешочка с пулями и порохом.

– Э-э! Э-э! Вернитесь, вы куда?! – возмущенно орал ограбленный им вслед, все еще силясь встать на ноги.

Когда они вернулись в разоренный трактир, мадам Фуке была еще жива.

Оказавшись в своей стихии подле больной, мэтр Салье тут же перестал трястись и принялся за дело.

Он внимательно осмотрел и промыл рану целебным бальзамом, стянул края и наложил плотную повязку

– Задеты мышцы и жировая прослойка, ничего опасного, – сказал эскулап, – но потеряно много крови. Вы неплохо перевязали рану, господин Шико, вам удалось остановить кровь. Если бы не это, в моем визите уже не было толку. Теперь нужен покой, много теплого питья и ежедневные перевязки. Я дал успокоительный настой, она скоро уснет.

– Не уходите, господин Шико, – попросила мадам Фуке: она была в сознании, но очень слаба. Д’Англере погладил ее по волосам.

– Спице, матушка, я здесь.

Он уселся на пол, облокотившись спиной о бочку с моченой брюквой, и прикрыл глаза. На минуту ему показалось, что он в своем родном замке, что он успел...

– Господин Шико, – голос мэтра Салье вернул его в настоящее, – я видел, на кухне еще один раненый. Его тоже перевязать?

– Как хотите, – равнодушно бросил д’Англере; он вдруг почувствовал себя настолько измученным, что больше не имел сил ненавидеть, – только имейте в виду, это гугенот, и я не намерен платить вам за него.

Салье вздохнул.

– Гугенот, католик... Не все ли равно?

Он ушел наверх и долго возился там.

– Господин Шико, – крикнул мэтр Салье, – помогите-ка мне перенести его вниз. Будет жаль, если его здесь зарежут и все мои старания пойдут прахом.

Д’Англере, чертыхаясь, поднялся и пошел выполнять просьбу. Вместе они перетащили раненого в безопасное место. Близилось утро, и нужно было возвращаться в Лувр.

– Мэтр Салье, вы умеете стрелять из аркебузы? – спросил д’Англере.

Тот побледнел, но кивнул.

– Да, немного.

– Не пытайтесь ни в кого попасть, – посоветовал д’Англере. – Главное, напугать, чтоб не лезли. А мне пора идти.

К рассвету стало тише.

Д’Англере шел по набережной Сены, возвращаясь в Лувр. Мертвые тела плавали в реке, создавая запруды у мостов. Воды ее были окрашены красным.

Он то и дело перешагивал через трупы. Все они были почти голыми, и невозможно было определить, кто здесь католик, а кто гугенот. Много попадалось молодых мужчин, но также много... очень много женщин... детей... стариков...

Где-то совсем рядом он услышал крик и улюлюканье. Кровавое пиршество продолжалось. Д’Англере рванулся туда, но раздался выстрел, смех и звук падающего тела. Крик оборвался.

– Святая Мадонна! Великий Боже, – бормотал он про себя. Он пытался не смотреть по сторонам, но не смотреть было невозможно.

Только сейчас он понял во всей очевидности, что они натворили. Он прислонился спиной к стене какого-то дома и стоял так, набираясь сил, чтобы идти дальше через растерзанный город.

***

Генрих Анжуйский, бледный и с красными глазами, метался по своей спальне в ожидании новостей. Ему и в голову не приходило покинуть эту спасительную обитель, чтобы самому увидеть, что происходит в городе или хотя бы во дворце.

В дверь постучали.

– Это я, мой принц, открывайте, – раздался из-за двери голос Шико.

Герцог подскочил к двери и нетерпеливо откинул засов.

На пороге и вправду стоял д'Англере. Его одежда была перепачкана кровью. Кровь была на руках, на лице и даже на волосах. В руке он держал окровавленную шпагу.

– Ну? Что там? Гугеноты разгромлены? Мы победили? – с нетерпением спрашивал д'Анжу.

– Победили? – горько усмехнулся д'Англере. – Победили... только не мы...

– А кто же? – герцог в ужасе уставился на своего шута. – Неужели еретики?

– Еретики перебиты, не бойтесь... – ответил тот. – Сам Сатана хозяйничает теперь на улицах Парижа. И он здорово помог нам, своим верным слугам...

Он швырнул свой окровавленный плащ прямо на роскошный шелковый ковер и рухнул в кресло, вытянув ноги в грязных сапогах.

– Шико... что ты несешь?! Какой еще Сатана?! Ты что, пьян?

– Мой принц, тому, что происходит в городе, просто нет названия... Быть может, нам уже не оправдаться перед Всевышним, но мы обязаны остановить это... если мы еще люди.

Глава 15. Королева Наваррская

*Кто милосерд, тот блажен.
Ветхий Завет*

Наступало утро. Маргарита де Валуа шла по коридорам, к которым привыкла с детства, стараясь не обращать внимания на запах крови и вскрытых внутренностей, не смотреть на трупы. Не смотреть на них было невозможно, потому что они лежали повсюду. Не только мужчины, но и женщины. Вот горничная мадам де Совиньи. Но она же католичка! Почему ей было не спрятаться у своей госпожи? А вот эта, совсем девочка, наверное, из кухонной прислуги. Все ее обнаженное тело покрывали резаные раны. Королева Наваррская содрогнулась. «Боже мой! Боже мой!» – шептала она, не в силах отвести взгляд от ужасного зрелища.

Она вспоминала начало этой страшной ночи, когда королевские гвардейцы под командованием господина де Нансея вломились в покои короля Наваррского вслед за каким-то раненым, убив прямо у нее на глазах нескольких слуг ее мужа.

Лишь трех человек ей удалось вырвать из лап озверевшей солдатни. Трех человек! Она споткнулась об очередной труп. Нансей говорил, что все это делается по приказу короля и господина де Гиза, но она не могла поверить. Она должна была узнать сама.

Из-за угла вывернул отряд солдат. Завидев перед собой одинокую женщину, они заметно оживились. Кто-то загоготал. Маргарита кожей почувствовала их сальные взгляды.

– Доброе утро, господин де ля Валетт, – обратилась она к командиру как ни в чем ни бывало.

Узнав сестру короля, тот поклонился ей, шутки смолкли. Она старалась не думать, что было бы, окажись офицер ей незнаком. Они прошли мимо, обдав ее запахом пота, крови и перегара. От этого смрада и от пережитого страха закружилась голова; принцесса остановилась и закрыла глаза, облокотившись о стену.

Когда дурнота отступила, Маргарита вновь огляделась, собираясь с силами. Вдруг она поняла, что находится прямо возле комнат Гиза. «Приказ короля и господина де Гиза», – вспомнила она слова Нансея. Ну разумеется, Гиз. Как же она сразу о нем не подумала! Вот кому под силу остановить побоище!

Она подошла к знакомой двери и постучала. Никто не ответил. Впрочем, неудивительно. Вряд ли герцог спал сейчас в своей постели. Да и слуги в такую ночь сидят по углам, боясь высунуть нос из-за двери. Бесполезно стучать, ей не откроют.

И все-таки, надеясь на чудо, она забарабанила в дверь изо всех сил.

– Пьер, – крикнула она в надежде, что камердинер герцога ее услышит, – это я, принцесса Маргарита! Да откройте же!

Голос ее гулко разнесся по коридорам, отражаясь от каменных стен. От этого мрачного эха по телу пробежали мурашки. Однако за дверью по-прежнему было тихо.

Ей ужасно захотелось куда-нибудь забиться, спрятаться. Отсидеться в какой-нибудь норе, пока лучи восходящего солнца не разгонят тьму. Неподалеку находились покои матери. Матери, которая ничего не сказала ей, легко отпустив свою дочь в комнаты мужа, куда первыми должны были явиться убийцы. Нет, к матери идти нельзя. Нужно добраться до Карла.

Она тяжело вздохнула, собираясь двинуться дальше, но тут на фоне предрассветного неба, виднеющегося в проеме окна, возникла высокая фигура. По коридору шел герцог де Гиз.

Золоченая кираса... обнаженный клинок в крепкой руке. Он был таким сильным, таким храбрым, исполненным жизни в этом мертвом дворце. А ведь она совсем одна... и так напугана...

– О, Анри! Какое счастье, что я встретила вас! Я знаю, только вы можете остановить этот кошмар!

Он рассмеялся, и смех его прокатился по галереям дворца так же, как несколько минут назад – ее крик.

– Что вы называете кошмаром, мадам? – с деланным удивлением отозвался он. – Нашу победу? Еще немного – и гугеноты будут разгромлены окончательно, а вы предлагаете мне остановить этот кошмар?

Он улыбался ей с высоты своего роста, будто бы насмехаясь над ее страхом, и ей сразу стало легче. В конце концов, он человек военный и лучше знает, как нужно. Анри де Гиз. Прирожденный победитель. Разве не это она всегда любила в нем? Она молча смотрела на него, ощущая исходящую от него силу.

– Я вижу, вы напуганы, – продолжал он, – но вам нечего бояться в моем городе.

Он шагнул к ней, не отрывая взгляда от ее лица... В каждом его жесте сквозила грация и мощь хищного зверя, которые всегда так притягивали ее. Но ведь он ей теперь чужой. Ведь, выйдя замуж, она сама оттолкнула его... Тогда она, кажется, была на него обижена, впрочем сегодня ей было не до обид.

Она не успела додумать, потому что он впился губами в ее губы грубо и требовательно, как хозяин, причиняя боль. Она почувствовала привкус крови во рту. Всем своим существом Маргарита вдруг ощутила, как черная магия уходящей ночи отнимает у нее волю, заставляя слушать властный голос этой завораживающей силы. «Вам нечего бояться в моем городе», – говорил он. О да! Сегодня город принадлежал ему.

Под его напором она отступила назад к стене. Споткнулась обо что-то мягкое и, наверное, упала бы, если бы крепкая рука не подхватила ее... Что-то противно мешалось под ногами, не давая погрузиться в черный омут. Чье-то мертвое тело... Весь дворец... весь Париж завален сегодня телами. По милости того, кто в эту ночь подчинил себе все. И ее тоже.

Секунды озарения хватило ей, чтобы вернуть власть над собой. Понять, что она делает... Она резко оттолкнула его.

– Отпустите меня! Вы не в своем уме!

Он и вправду остановился – видно, не ожидал ее отказа. Она с ненавистью смотрела на своего любовника.

– Вы не в своем уме! – повторила она. – Очнитесь! Ведь вы же человек и христианин! Ведь вас рожала мать, и крестил священник! Что же вы делаете, Боже мой!!! Пожалейте свою душу, ведь вы будете гореть в аду!

Гиз улыбнулся.

– Что я делаю? Я убиваю своих врагов!

– Убиваете врагов?! Отчего же среди них так много женщин?! Быть может, убьете и меня? Ведь я теперь жена гугенота!

– Ах да, – он ухмыльнулся, – ведь вы теперь жена. Что ж, мадам, примите мои поздравления. Я рад, раз вы довольны своей участью верной супруги жалкого труса, что прячется сейчас в кабинете короля!

– Труса?! Жаль, что сегодня у него не нашлось для вас ведра с помоями! – это воспоминание окончательно развеяло черный туман, поглотивший ее разум и душу. Стоявший перед нею великий триумфатор, владыка тьмы неожиданно превратился в обычного властолюбивого негодяя, что по головам карабкается к вершине, иногда оскальзываясь на пути, как всякий смертный.

Она молча смотрела на него, как на заклятого врага, вспоминая тех людей, что гибли сегодня у нее на глазах во имя его славы... Ту девочку из кухонной прислуги, лежащую в луже крови... Вот что теперь олицетворял собою человек, которого она совсем еще недавно звала своим возлюбленным.

– Что вы наделали... – негромко сказала она. – Святая Мадонна, что же вы наделали...

Герцог смотрел на нее тяжелым взглядом. Совсем недавно эта женщина была его женщиной... Отвращение, отразившееся на ее лице, отрезвило его, как пощечина. В глазах мелькнула растерянность. Но он должен был что-то сказать ей.

– Не ошибитесь с выбором, мадам, – процедил он наконец.

Вместо ответа она отступила от него на шаг. Потом повернулась к нему спиной и пошла к покоям Карла. У нее было много дел.

Глава 16. Утро

*Кого восход увидел вознесенным,
Того закат низверженным узрит.
Пьер де Ронсар*

Генрих шел по коридору в сопровождении троих конвоиров. Впрочем, это была скорее охрана, чем конвой: деваться ему было некуда, кругом царила смерть. Он то и дело обходил лужи крови и натыкался на мертвые тела. Генрих старался не смотреть на лица убитых, боясь даже представить, сколько из них могут быть ему знакомы. Его поразило то, что все эти люди были раздеты. Он вспомнил, с каким пренебрежением придворные католики разглядывали скромные наряды гугенотов, и удивился, до чего же дошла алчность этих высокомерных господ, чтобы они могли позариться на перепачканную кровью одежду мертвецов.

В одной из галерей он увидел стайку юных фрейлин. Осмелев, они покинули свои убежища и теперь с интересом обсуждали стати обнаженных мужчин, имевших лишь один недостаток: все они были мертвы. Когда Генрих проходил мимо, дамы как по команде замолчали и проводили его любопытными взглядами. «Интересно, – подумал Генрих, – если бы я лежал тут голый и со вспоротым животом, я бы им понравился?»

Двери в покои короля Наваррского были закрыты.

– Открывайте, именем короля! – крикнул один из сопровождающих Генриха гвардейцев и забарабанил в дверь.

Молчание было ему ответом. Сердце Генриха непроизвольно сжалось.

– Дайте знать, что это вы, ваше величество, иначе, боюсь, придется ломать замки, – посоветовал офицер.

Генрих колебался, он уже был научен горьким опытом.

– Отойдите от двери, – потребовал он, – или мы будем стоять тут до второго пришествия.

– Да пожалуйста, – пожал плечами тот.

Они отделились на десяток шагов, и Генрих постучал.

– Эй, там! Открывайте, это я! – крикнул он.

За дверью послышалось шевеление и голоса; потом на некоторое время снова все стихло. Затем Генрих различил звук отодвигаемой мебели и скрежет тяжелых засовов. В конце концов дверь распахнулась.

На пороге разоренного жилища стоял д'Арманьяк¹⁷, сжимая в руке топорик для колки дров. На его немолодом лице читались азартная решимость и готовность ко всему. Колет его был расстегнут, а рубашка окровавлена, и на левом плече красовалась грязная повязка. Более всего первый камердинер короля Наваррского сейчас походил на разбойника с большой дороги.

– Сир! Вы живы! – только и мог сказать д'Арманьяк, отступая, чтобы дать ему войти.

Генрих быстро шагнул внутрь и захлопнул дверь. Только водрузив на место все засовы, он позволил себе вздохнуть свободнее.

– Ну вот я и дома, – сказал он, со смесью радости и горечи глядя на своего верного слугу и друга, которого уже и не думал застать живым. Они крепко обнялись, еще не веря, что судьба оказалась чуть менее жестокой, чем оба ожидали.

В его покоях все было перевернуто вверх дном. Разбитая мебель, сорванные портьеры, кругом пятна крови и осколки посуды. Весь пол был усыпан растоптанными лепестками тюль-

---

¹⁷ Жан д'Арманьяк – первый камердинер Генриха Наваррского.

панов, которые Генрих вчера утром – кажется, в другой жизни – сам принес сюда для Марго, пренебрегая помощью слуг. На кровати в комнате д'Арманьяка Генрих обнаружил двоих раненых, одним из них был Шарль де Миоссен. Живой. Вторым – неизвестный Генриху человек.

Миоссена Генрих знал с детства: он был сыном той самой мадам де Миоссен, что нянчила принца Наваррского в первые годы его жизни. Король Наваррский опустился на колени перед кроватью и потрогал лоб своего старого товарища. Тот бредил и не узнавал его. Генрих ничем не мог ему помочь.

Он подобрал валявшийся на полу стул и поставил его к камину, пытаясь создать видимость порядка в этом хаосе.

– Давай, что ли, приберем немного, – предложил он д'Арманьяку.

Пока они проводили время в этом несвойственном им занятии, пытаясь хоть отчасти придать комнатам жилой вид, камердинер рассказал Генриху, что как только тот покинул свои покои, королева Наваррская, видимо, устав от присутствия чужих мужчин, отпустила охрану и попыталась уснуть. Однако не прошло и часа, как сюда вломилось два десятка гвардейцев господина де Нансея. Несколько безоружных слуг были убиты тут же, другим удалось улизнуть, и судьба их осталась ему неизвестна. Потом из спальни на шум прибежала мадам Маргарита, и только ее появление спасло самого д'Арманьяка и господина де Миоссена, что отбивались из последних сил. Она защищала своих новых подданных, грозя гневом короля Франции и всеми карами небесными, закрывая их собою. В конце концов Нансею пришлось подчиниться воле принцессы крови, и убийцы ушли. Они даже были столь любезны, что унесли с собой трупы – правда, судя по всему, недалеко.

Тем человеком, что лежал теперь в комнате д'Арманьяка, был некий барон де Леран: именно за ним гнались гвардейцы, когда вломилась в покои короля Наваррского. Ее величество вырвала его, как и других, из рук озверевшей солдатни. Когда д'Арманьяк говорил об этом, в его голосе чувствовались неподдельная признательность и восхищение, и Генрих отметил, что избалованной принцессе-католичке удалось-таки получить преданного поклонника в лице этого сурового гугенота.

Потом приходила Маргарита. Она была прибрана и сосредоточена, и как всегда прекрасна. И, конечно, добра. Недаром д'Арманьяк восхищался ею.

Генрих не мог на нее смотреть. Она, его возлюбленная супруга, была из них. Из тех, кто сотворил с ним все это.

Она принесла добрую весть, сообщив, что ей удалось добиться у Карла помилования для обитателей этой комнаты; теперь все они находились под защитой короля, и к раненым должны были допустить доктора. Он громко благодарил ее и целовал руки, стараясь, однако, не встречаться с нею взглядом, в надежде, что она не догадается... не поймет... но знал, что она поняла. Наконец она ушла, оставив его в покое.

А за окном крики воронья возвещали утро. Начинался новый день¹⁸.

---

¹⁸ О событиях и причинах Варфоломеевской ночи, о предполагаемом заговоре гугенотов против короля и о покушении на Колиньи см. Исторические заметки к Части 1 п.8–10.

Исторические заметки к Части 1

1. Об исторической достоверности романа

«Восход стоит мессы» – это художественный роман, не претендующий на стопроцентную историческую достоверность, хоть и построенный на значимых фактах.

Крупные исторические события в книге добросовестно учтены и привязаны к датам. В частности информация о религиозных войнах, их причинах, последствиях, мирных договорах, свадьбах и похоронах королей приведена относительно точно. Социально-политические тенденции и логику крупных движений я тоже попыталась описать верно.

Однако воссоздать детали мне удалось не всегда, каюсь. Причины разные: и противоречивость источников, и мои собственные литературные задачи.

Чтобы компенсировать этот недостаток, который я сама считаю важным, мне пришлось написать исторические заметки к каждой части, позволяющие понять, где и насколько я отклонилась от фактов, которые принято считать установленными.

2. Об идеологических различиях католичества и протестантизма

Протестантизм, по сути, родился из католичества. Представители этих двух конфессий имеют одинаковые базовые ценности и одинаковый набор ключевых религиозных представлений, но много десятилетий они воевали между собой «за веру».

Наиболее важным отличием протестантизма было то, что протестанты отрицали роль церкви, подчеркивая корыстолюбие, тщеславие и греховность католического духовенства. Они считали, что человек может общаться с Богом напрямую, не нуждаясь в посредниках и сложных обрядах. Таким образом, распространение протестантизма представляло собой серьезную угрозу политическому влиянию Папы.

Из постулата об отсутствии у верующих потребности в церкви вытекали и различия в ритуалах.

Во-первых, у протестантов не было роскошных соборов, а вместо них были молельные дома, построенные с подчеркнутой скромностью и почти не имеющие специальной утвари. Читать проповеди дома тоже разрешалось. Во-вторых, протестанты не признавали различных толкований Священного писания, и почитали только первоисточник, поэтому у них не было церковных книг, кроме непосредственно Евангелия. В-третьих, у протестантов не было понятия святых, и соответственно – их изображений (икон). Протестантские пасторы не представляли собой отдельного сословия и могли жениться.

А еще протестанты не служили мессы, что использовано в названии этой книги.

Месса – исключительно католическое богослужение, которое в те времена происходило только на латыни. Гугеноты же молились на национальных языках.

3. О смерти королевы Жанны

Из книг Александра Дюма нам известно, что Жанна д'Альбрэ, мать Генриха Наваррского, была отравлена Екатериной Медичи, которая будто бы подарила ей пропитанные ядом перчатки. В действительности большинство современных историков утверждают, что она умерла от туберкулеза. И в самом деле, симптомы этой болезни весьма характерны, известны с давних времен, и их вряд ли можно перепутать с чем-то еще. Тем более от туберкулеза не бывает язв на руках, о которых пишет Дюма. Думаю, что версию о перчатках можно объяснить лишь богатой фантазией романиста. Тем не менее Генрих Наваррский, который не разбирался в медицине и не доверял своей теще, скорее всего, не верил мнению придворных медиков о чахотке и подозревал Екатерину Медичи в отравлении его матери.

4. О притязаниях Генриха Наваррского на французскую корону

Генрих III Наваррский в силу своего происхождения был весьма значимой фигурой во французской политике. Однако значимость эта объяснялась не только и не столько Наваррской короной, унаследованной им от матери, сколько титулом первого принца крови, полученным от отца.

В то время правящий род Капетингов был представлен двумя ветвями: старшей ветвью Валуа, к которой и принадлежал сам король Франции со своими братьями, а также младшей ветвью – Бурбонами, которые по Салическому закону должны были наследовать корону в случае смерти всех принцев дома Валуа. В свою очередь, старшая ветвь Бурбонов в лице коннетабля Бурбона пресеклась, когда Франциск I обвинил его в измене и лишил владений, должностей и титулов. Младшая ветвь, Вандомы, сохранила свои владения. До рождения Генриха она была представлена тремя братьями: старшим, Антуаном (отцом Генриха, который погиб к моменту описываемых событий), и двумя младшими – Луи де Конде (отцом Анри де Конде) и лицом духовного звания, будущим кардиналом Бурбоном. Таким образом, Антуан де Бурбон-Вандом, отец Генриха Наваррского, как старший представитель своего дома, именовался первым принцем крови после Валуа. По названной причине Генрих Наваррский, как единственный сын Антуана, унаследовал этот титул от отца. При отсутствии у Валуа прямых наследников Генрих Наваррский являлся третьим в очереди на корону Франции. Женидьба на Маргарите Валуа была призвана еще более укрепить эти притязания. Однако его шансы в то время в любом случае казались иллюзорными: трое братьев Валуа были молоды и вполне могли иметь потомство.

Кроме того, Генрих Наваррский был внуком Маргариты Наваррской, сестры Франциска I (деда Карла IX); таким образом, он приходился родственником королю Франции двадцать второй степени.

Для полноты картины необходимо отметить, что Генрих Наваррский был не только самостоятельным королем маленькой горной страны, но и имел феодальные владения на территории самой Франции: Вандомское герцогство (в центре Франции), герцогство Альбрэ, графства Фуа, Бигор, Арманьяк и другие земли, что делало его вассалом французских королей. Кроме того, Генрих д'Альбрэ (отец Жанны д'Альбрэ), затем Антуан де Бурбон, а после его смерти – Генрих управляли в качестве губернаторов, назначенных французским королем, обширной французской областью Гиенью (юг Франции), к которой уже привыкли относиться, как к собственной вотчине. В результате женидьбы Генриха на Маргарите Гиень была передана ему в феодальное владение по брачному договору в качестве приданого его жены.

5. О притязаниях Гизов на французскую корону

Хоть Гизы и претендовали на то, что ведут свой род от Карла Великого, но, с точки зрения Салического закона, их надежды на корону Франции выглядели значительно слабее, чем притязания Бурбонов. Однако Гизы обладали очень серьезным влиянием, в особенности в Париже, и рассчитывали укрепить свои позиции за счет женидьбы Генриха де Гиза на Маргарите Валуа. Опасаясь усиления Гизов, король Франции Карл IX и Екатерина Медичи стремились всячески помешать этим матримониальным планам – в частности, пресечь интимные отношения между Маргаритой и Гизом. Брак Марго и Генриха Наваррского расстроил надежды Лотарингского дома.

6. О Маргарите де Валуа

По романам А. Дюма эта дама известна всему миру как «королева Марго», хотя в действительности вряд ли кто-то, кроме ее брата, Карла, называл ее так. Если посмотреть на портреты Маргариты де Валуа, то суждения о ее неземной красоте вызывают удивление. Однако ее

бурная личная жизнь и, несомненно, искреннее восхищение, которое испытывал к ней Брантом, остаются историческим фактом. Поэтому приходится исходить из того, что она действительно была признанной красавицей своего времени.

7. Об Агриппе д'Обинье

Агриппа д'Обинье много лет был близким другом Генриха Наваррского. Он действительно присутствовал в Париже накануне его свадьбы в качестве одного из многочисленных сопровождающих и покинул город из-за дуэли с одним из гвардейцев городской охраны. Но в 1572 году его дружба с Генрихом еще не началась. Она возникла лишь спустя год после Варфоломеевской ночи. Поэтому некоторые сцены с его участием – чистый вымысел.

8. О политике Колиньи и походе во Фландрию

В те времена часть территории Нидерландов (Фландрия) была занята испанскими войсками под командованием дона Альбы. Испанская корона стремилась огнем и мечом восстановить в этих протестантских землях католическую веру, и гугеноты со всей Европы тысячами ехали во Фландрию, чтобы помочь голландцам в их освободительном движении. Однако им не удалось справиться с многочисленной и хорошо оснащенной испанской армией.

Заклучив Сен-Жерменский мир и вернувшись в Королевский совет, Колиньи использовал все свое влияние, чтобы убедить Карла IX направить во Фландрию французскую армию. И королю, судя по всему, нравилась эта идея.

Перспектива войны с Испанией приводила Екатерину Медичи в ужас. Испания была самой сильной и самой богатой державой тех времен, война с таким противником могла повлечь очень тяжелые последствия для Франции. Кроме того, католики (которых во Франции было большинство) никогда бы не поддержали войну на стороне протестантов, поэтому участие в подобной аванюре могло сильно подорвать авторитет королевского дома внутри страны (и без того слабый). При таких обстоятельствах не стоит удивляться, что королева считала Колиньи самым злейшим своим врагом.

9. О покушении на Колиньи

В настоящее время известно, что в Колиньи стрелял некий (Гийом) де Морвер (его имя в различных публикациях почему-то указывается по-разному). Однако о том, кто был организатором покушения, существует несколько версий.

Чаще всего у популяризаторов истории (С.М. Плешкова, Л. Фрида, А. Кастелло) встречается мнение о том, что это покушение было прямо организовано группой заговорщиков, в которую, в частности, входили герцог де Гиз, Екатерина Медичи и Генрих Анжуйский. Эта версия построена прежде всего на мемуарах маршала де Таваня, на воспоминаниях герцога Анжуйского, записанных, правда, не им самим, а с его слов его медиком Мироном; а также на найденной на месте преступления аркебузе с маркировкой гвардии герцога Анжуйского. На Гизов указывает множество деталей. В частности, установлено, что Морвер был клиентом герцогов Лотарингских. Главным доводом приверженцев этой версии является мотив. Всем известно, что королева-мать считала Колиньи крайне опасным и хотела от него избавиться. Не менее известно, что Гиз ненавидел адмирала за смерть отца.

Непонятно, однако, другое. Неужели Екатерина Медичи (весьма неглупая женщина) могла не предвидеть очевидных последствий этой акции, независимо от ее успеха или провала?

В монографии Жана-Мари Констана «Повседневная жизнь французов во времена религиозных войн», а также в книге Павла Уварова «Варфоломеевская ночь: событие и споры» приведен анализ различных точек зрения по вопросу об организации покушения на Колиньи. Не сообщая собственного мнения, авторы ссылаются на исследователей, посвятивших целые научные труды причинам Варфоломеевской ночи.

Так, Марк Вернар, опубликовавший в 1992 году статью по этому вопросу, на основании переписки дипломатов тех лет приходит к выводу, что Екатерина Медичи и члены королевского совета, видимо, действительно разделяли с Гизом ответственность за покушение на Колинью, однако не устанавливает степень их ответственности.

По-мнению Жанин Гаррисон, Екатерина Медичи прямо не участвовала в заговоре против Колиньи, однако подталкивала Гиза к убийству, стараясь избавиться от врага чужими руками.

Жан Луи Буржон и Н.М. Сютерланд, вопреки мнению большинства специалистов, и вовсе отстаивают позицию, что организатором покушения и последующей резни был Филипп II Испанский и Гизы, поддержанные народными массами. С Екатерины Медичи, Карла IX и их правительства ответственность за резню снимается. И действительно: «ищи, кому выгодно».

Однако еще одна, на мой взгляд, весьма достойная версия содержится в статье Анри Дьюбефа, который полагает, что все источники по этому вопросу лживы и разноречивы, и установить истину теперь не получится. И действительно, даже современные преступления зачастую не раскрываются, что уж говорить о событиях четырехсотлетней давности?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.